

А. Е. Тарасов

ЦЕРКОВЬ И ПОДЧИНЕНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Традиционно борьба за подчинение Новгорода в эпоху Ивана III сводится к двум важнейшим событиям: походам 1471 г. и 1477–1478 гг. Безусловно, это центральные эпизоды заключительного этапа включения Новгородской земли в состав единого Русского государства. Однако было бы неправомерно считать, что только в 70-е гг. XV в. деятельность Ивана III в отношении Новгорода проявилась со всей определенностью. Вполне последовательная и четкая новгородская политика была характерна уже для первых лет его правления. Более того, перед современной историографией стоит задача комплексного изучения всей исторической ситуации того времени, без чего дальнейшее раскрытие темы подчинения Великого Новгорода не представляется возможным.¹ Именно через такую призму будет сделана попытка рассмотреть проблему включения Новгорода в состав централизованного государства и место церкви в данном процессе. При этом основное внимание сосредоточено на наиболее спорном и менее изученном в данном контексте периоде – 60-х – начала 70-х гг. XV в. К тому же уже давно было отмечено, что история Новгорода за последнее десятилетие перед Шелонским разгромом в июле 1471 г. – одно из самых темных мест в длительной эпопее Новгородской «боярской республики».²

1460-е годы

Показательно, что уже через год после вступления на престол великий князь Иван III начал активно вмешиваться в традиционную систему отношений Северо-Западной Руси. Речь идет о военном столкновении Пскова с ливонцами в 1463 г. Вмешательство московских войск в псковско-ливонский конфликт преследовало, в том числе, антиновгородские цели. Это была демонстрация силы и показ того, какой предполагает

¹ *Кривошеев Ю. В.* Москва и Новгород (1456–1478 гг.) в новейшей исторической литературе: спорные вопросы // Яжелбицкий мир (Материалы научно-практич. конф., посвященной 550-летию подписания Яжелбицкого мира). Валдай, 2006. С. 8; Об историографии проблемы см. также: *Хорошев А. С.* Отчетственная историография о падении Новгородской вечевой республики // Русский город (Исследования и материалы). М., 1986. Вып. 8. С. 43–66.

² *Бернадский В. И.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 264.

быть московская политика на территориях старинного новгородского влияния. Кроме всего прочего, было выработано и идеологическое обоснование участия Москвы в этом давнем конфликте.³

События 1463 г. во многом стали поворотным моментом в московско-новгородских отношениях кануна падения независимости Новгородской земли. Москва делает попытку наступления на новгородскую самостоятельность, а Новгород по привычке ищет защиту на Западе. Летом этого года новгородцы организовали два посольства в Литву («о княжи возмущении еже на Великий на Новгород») с призывом «побороть по Великий Новгород от князя великого». Открытое обращение к злейшим врагам великого князя – королю и нашедшим у него пристанище участникам т. н. «феодальной войны второй четверти XV в.» – можно расценивать, по мнению Ю. Г. Алексеева, в качестве явного воззвания к борьбе против Москвы.⁴ Однако данное положение требует некоторого уточнения. Особенность новгородско-московских отношений в первое десятилетие правления Ивана III заключается в тесном переплетении политических и церковных конфликтов. В это время проблема церковной самостоятельности Новгорода приобрела политический характер. В свою очередь, церковь оказывала как никогда серьезное идеологическое воздействие на политику. Обо всем по порядку.

С рубежа 1458–1459 гг. новгородская епархия оказалась в незавидном положении между двух огней. С одной стороны, в это время на исторической сцене появляется литовский митрополит-униат Григорий Болгарин, бывший протодьякон монастыря св. Димитрия в Константинополе. Он, рукоположенный в Риме униатским патриархом Григорием Маммой 15 октября 1458 г. и поддержанный Ватиканом как общерусский митрополит, претендовал на включение архиепископии Новгородской в свою митрополию. (Чуть ранее, 21 июля 1458 г., на папском совете в Риме единая Киевская митрополия была разделена на две части: ее западные епархии, находившиеся в пределах Литвы и Польши под властью католического короля Казимира IV, объединялись в особую митрополию «Киевскую, Литовскую и всея Руси».)⁵ Требования Григория были не новы и опирались не только на его заявленный статус митропо-

³ См. подробнее: *Тарасов А. Е.* Отражение результатов Ягеллицкого договора в Новгородской политике Ивана III (на примере Ливонских событий 1463 года) // *Ягеллицкий мир...* С. 22–29.

⁴ *Алексеев Ю. Г.* 1) *Государь всея Руси.* Новосибирск, 1991. С. 65; 2) Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 105; См. также: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 214; Ср. с мнением Г. Алфа о том, что в первые годы правления Иван III никак не проявлял желания покончить с новгородской независимостью (*Alef G.* *The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III.* Berlin, 1986. P. 96).

⁵ О рукоположении Григория и его статусе, а также о разделе митрополии см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 28–29 и комментарий Б. Н. Флори на с. 422. Прим. 5*; См. также: *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1897. Т. 1 (XVI–XVII вв.). С. 26; *Флоря Б. Н.* Православный мир Восточной Европы под историческим выбором (XIV–XV вв.) // *Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское Средневековье.* М., 2007. С. 415.

лита «вся Руси». Литовские митрополиты традиционно рассматривали Новгород как свою каноническую территорию, и римская курия поддерживала их в этом. Так, в 1418 г. на Констанцском соборе папа Мартин V подтвердил полномочия митрополита Григория Цамблака на Новгородские и Псковские земли.⁶ Кроме того, сама новгородская епархия в лице владыки Евфимия Вяжицкого (†1458), который получил рукоположение от митрополита Герасима, в 30-е гг. XV в. пребывавшего в Литве, дала повод литовским первосвященникам претендовать на свою территорию.⁷ Желание Григория видеть Новгородскую епархию в составе своей митрополии наверняка укреплялось еще и на том основании, что литовская политическая мысль того времени рассматривала Новгород как землю, принадлежавшую литовским князьям. Такие представления о Новгороде отразились, в частности, в польской хронике Яна Длугоша.⁸

С другой стороны, Новгород продолжал оставаться в каноническом подчинении митрополитов «вся Руси», пребывавших в Москве. Этими митрополитами в рассматриваемый период были Иона (†1461 г.), Феодосий (1461–1464) и Филипп (1464–1473). Политический смысл такого подчинения был выражен достаточно четко: «Зависеть от митрополита значило зависеть от Москвы», – так оценивал новгородско-московские церковные отношения XV в. С. М. Соловьев.⁹ Кроме политической подоплеки существовали и чисто церковные сложности – сомнения в канонической «чистоте» московских митрополитов, ибо избрание святытеля Ионы главой Русской церкви без благословения Константинополя было похоже на раскол. В новейшей литературе справедливо отмечается, что новгородская кафедра однозначно выбрала ориентацию на митрополию с центром в Москве во время образования униатской

⁶ Мицкунайте Г. Пиковый валет: Князь Витовт глазами современников и потомков // Година. 2003. № 12. С. 106.

⁷ Вопрос о том, управлял ли митрополит Герасим только западными епархиями Русской церкви или возглавлял всю митрополию «вся Руси», остается открытым, хотя большинство современных исследователей придерживается взгляда на его общерусское предстояние. Тем не менее, он был принят в Литве как законный митрополит (в отличие от великого княжества Московского, где его права в расчет не принимались), и поставление им архиепископа Новгородского давало повод преемникам на литовской митрополичьей кафедре к более тесным церковным контактам с Новгородом (см.: Тарасов А. Е. Герасим, митрополит // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 152–154).

⁸ Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. // ВИД. 1991. Т. 22. С. 153.

⁹ Цит. по: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XV вв.). М., 1986. С. 137. Нет никаких оснований полагать, что в заключительный период существования независимого Новгорода архиепископы Новгородские были превращены боярской верхушкой в «попкорное орудие своей политики» (ср.: Розов Н. Н. Из истории русской общественной мысли XV–XVI веков («Повесть о Новгородском белом клобуке»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951. С. 5). Архиепископы не только продолжали оставаться вполне самостоятельными в своих решениях главами феодальной республики, но и были действенной силой, способной сглаживать острые конфликты внутриполитической жизни Новгорода.

митрополии Григория Болгарина с центром в Вильно.¹⁰ Определенно, решающее влияние на позицию Дома Святой Софии оказала фигура митрополита Ионы, сомнительная легитимность избрания которого в 1448 г. в условиях переваривания Константинопольской патриархии последствий Ферраро-Флорентийской унии все же выглядела гораздо более канонически приемлемой, чем хиротония Григория Болгарина от униатского патриарха. Другими словами, новгородская владычная кафедра из двух митрополий с не очень хорошей репутацией выбрала ту, к которой было меньше канонических вопросов. Однако представляется необоснованным переносить реалии рубежа 1450-х – 1460-х гг. на более поздний период. Вероятно, после смерти святителя Ионы церковно-политические отношения Новгорода и Москвы существенно осложнились, ибо теперь, после возвращения Константинопольской патриархии в лоно православия, подчинение самовольно избранным в Москве преемникам почившего митрополита выглядело не менее канонически противоправным, чем униатскому митрополиту в Великом княжестве Литовском. Налицо некоторые явные факты игнорирования Новгородом церковных деяний, проводимых Москвой, а также постоянные опасения московской церковной и светской власти о переходе Новгорода на сторону Григория Болгарина. Видимо, такова была церковная ситуация для Новгорода: обе митрополии «всех Руси» – и с центром в Москве, и с центром в Вильно – не выглядели безупречно чистыми с канонической точки зрения. Таким образом, желание по возможности максимально обособиться от митрополита, восседавшего в Москве, при этом не разрывая окончательно отношений с ним, – вот одна из главнейших проблем епископии новгородской в 60-е гг. XV в.

Наиболее заметно эта позиция проявилась во время вступления на престол митрополита Феодосия (май 1461), первого самостоятельно избранного русского первосвященника после Ионы. Архиепископ Иона не только не приехал на поставление Феодосия, ограничившись повольной грамотой (в этом не было ничего необычного, и в первой половине XV столетия новгородские владыки предпочитали не являться на архиерейские соборы), но и впоследствии не прислал ему присяжной грамоты.¹¹ Для Феодосия такое поведение архиепископа было серьезным поводом для беспокойства и, конечно же, в первую очередь, для предположений о симпатии новгородской церковной организации к Григорию Болгарину. Потому уже через два месяца после рукоположения Феодосий шлет Ионе послание, в котором призывает «Григория не признава-

¹⁰ *Флоря Б. И.* Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором... С. 417–418; *Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М., 2008. С. 306. Факты, приводимые авторами, относятся к периоду первосвященничества митрополита Ионы.

¹¹ По мнению А. И. Плигузова, Иона все же мог дать присяжную грамоту, и именно ее формуляр отложился в составе митрополичьего формулярика начала XVI в. (см.: РФА. М., 1986. Ч. 1. № 55; М., 1992. Ч. 5. С. 1004–1007). Однако немаловажно следующее обстоятельство – Иона не остался на собор, выбравший еще при жизни Ионы его преемника, хотя был рукоположен всего на несколько дней раньше этого собора. О независимом поведении новгородских, а также тверских церковных иерархов см.: *Зилин А. А.* Визит на распутье. М., 1990. С. 83–84.

ти, ниже общения имети».¹² Затем, приняв решение уйти на покой, Феодосий еще раз обращается с увещанием к Ионе.¹³

Однако церковная связь с литовским митрополитом-униатом для новгородского владыки была невозможна в силу преобладавшей в городе ортодоксальной православной позиции. Об этом ярко свидетельствует ответ архиепископа Ионы (1464 г.) на послание митрополита Феодосия, в котором первосвятитель извещал новгородского владыку о решении оставить кафедру. Иона заявлял: «А еже пишеши к нам, господини и отец наш, о Григорие, Исидорову ученику и ревнителю, еже не примешатися, якоже тогда, тако и ныне, к нему: ино, господине и отче, не обыче дом Премудрости Божия Святыя София волка вместо пастыря приимати, ни горкаго вместо сладких, ниже камению причащатися, хлебу предлежащу...».¹⁴ Сугубо православная, даже воинственная позиция новгородской церковной организации в отношении Флорентийской унии, характерная для середины – второй половины XV столетия, проявилась сразу после ее принятия.

Уже Евфимий Вяжицкий, предшественник архиепископа Ионы на новгородской владычной кафедре, православный ортодокс и «грекофил», был одним из первых на Руси яростных противников Флорентийской унии. Он разрабатывает новую антиуниатскую строительную и иконописную программу для Новгорода. Под его защиту, в Новгород, бегут послы митрополии «всей Руси» на Ферраро-Флорентийском соборе, недовольные введением унии. В частности, ярый обличитель унии Симеон Суздальский, автор антикатолической «Повести о восьмом соборе», по его собственному свидетельству, после бегства из Венеции «прибег к Новгороду» и «пробыл лето у великого святителя владыки Еуфимиа Новгородского». Именно тут он начал писать свою обличительную повесть.¹⁵

В Москве иначе представляли отношения Дома Святой Софии и митрополита Литовского. Подозрения о возможной связи Новгорода с униатом Григорием Болгариним разделялись и митрополитом, и великим князем. Впоследствии эта тема была сильно раздута с политической целью. Московская идеология стала открыто обвинять Новгород в «ладинской измене». Причины такой позиции вполне объяснимы.

Москва понимала, что разрыв московских митрополитов с патриархом Константинопольским в 1448 г. ставит под сомнение легитимность

¹² АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 275; Ср.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. [М., 1900]. Т. 2. 1-я пол. С. 525.

¹³ Грамота не сохранилась. О ее существовании известно из ответной грамоты Ионы (РИБ. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. 6. № 99).

¹⁴ РИБ. Т. 6. № 99. Стб. 705; Ср. с мнением Г. Ф. Карпова, полагавшего, что в это время у новгородцев появилась возможность «если не совсем сделать свою церковь ни от кого ни в чем не зависимою, то значительно увеличить ее самостоятельность тем, что, смотря по обстоятельствам, за решением важных дел обращаться к разным митрополитам» – Московскому или Литовскому (Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Ч. 1 // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 3. Отд. 1. С. 43).

¹⁵ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 194–217; См. также: Водов В. Новгород и Флорентийская уния // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 42–46.

митрополита Ионы и его преемников. Поэтому здесь всячески замалчивали факт разрыва, представляя его как вынужденную меру. Чтобы обосновать поставление митрополита Феодосия (1461 г.) даже был составлен особый публицистический памятник – «Слово избранно от святых писаний, еже на латынку».¹⁶ В дело шли объяснения и церковно-правового характера. Они строились, вероятно, исходя из 15-го правила Константинопольского Двукратного собора 861 г. или 4-го правила I Вселенского собора 325 г. в Нике.¹⁷ Однако прецедентов, подобных тому, что случилось в 1448 г., Русская церковь не знала. (Поставление митрополита Климента Смолятича без утверждения патриарха в 1147 г. произошло в совершенно иной обстановке. Тогда статус патриархии не был поколеблен ни последствиями Флорентийской унии, ни зависимостью Константинополя от турок-иноверцев. Характерно, что среди архиереев, не признавших Климента Смолятича, был архиепископ Новгородский Нифонт). Поэтому даже при наличии серьезной канонической основы этого шага Новгород вполне мог поднять знамя церковного сепаратизма и отпасть в раскол.

К тому же на всякий аргумент в сборниках соборных постановлений и комментариев к ним находилась свой контраргумент, что отнюдь не уменьшало опасений. Одним из подобных канонических постулатов, принятых еще задолго до Флорентийской унии, являлось соборное определение патриарха Нила о русской митрополичьей кафедре от июня 1380 г. В этом определении подтверждалось, что «невозможно быть архиереем Великой Руси (т. е. митрополитом – *А. Т.*), не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всеи Руси».¹⁸ Титул митрополитов Киевских сохранялся именно за литовскими первосвященниками – Григорием Болгариним и его преемниками. Возникал церковно-правовой казус. Влияние этого казуса, стоит полагать, отразилось в сентябрьской записи 1462 г. о составлении Триоди цветной (из собрания РГАДА). Триодь была написана в Спасо-Андрониковом монастыре «при державе великого князя Ивана Васильевича, **при архиепископе Феодосии** (выделено мной – *А. Т.*), при архимандрите Иоанне».¹⁹ Русские митрополиты действительно часто назывались архиепископами, что было синонимом первосвященнического титула. Однако, как правило, после сана «архиепископ» добавлялось Киевский, или «всая Руси», или то и другое вместе, что подчеркивало первосвященнический статус именно в данной митрополии. По всей вероятности, даже в Москве положение митрополита Феодосия в начале его митрополичьего пути было довольно непростым. Неофициальный цер-

¹⁶ Опубликовано: *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М., 1875. С. 360–395; См. также: *Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемике против латинян. СПб., 1878. С. 106–108; *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 158–161.

¹⁷ *Абеленцева О. А.* О духовной грамоте митрополита Ионы в связи с традицией написания духовных грамот русскими митрополитами // *Церковь в истории России.* М., 2003. Сб. 5. С. 50–51; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее пересмысление). М., 1998. С. 223–225.

¹⁸ РИБ. Т. 6. Приложение. № 30. Стб. 180.

¹⁹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1539. Л. 328.

ковный автор, составитель Триоди цветной в 1462 г., не решился употребить полную титулатуру митрополита, очевидно, сомневаясь в точности формулировки в новых церковно-политических условиях.²⁰

Отсутствие на Руси самостоятельной глубокой богословской традиции, постоянная оглядка в таких вопросах на Византию еще больше осложняли дело. Русское духовенство предпочитало обращаться за разъяснениями спорных вопросов либо напрямую в Константинополь, либо к византийским иерархам, приезжавшим на Русь. Как правило, это были митрополиты.²¹ Даже не самые сложные вопросы порой ставили русское священство в тупик. Например, епископ Сарайский Феогност в 1276 г. спрашивал Константинопольского патриарха о возможности служить литургию без дьякона. (Примечательно, что не рядовой священник, но архиерей задавался таким вопросом.) С похожим вопросом в 1395 г. новгородское духовенство обратилось к известному своей ученостью митрополиту Киприану, по рождению южному славянину, рукоположенному на Русь в Византии.²² В 60-е гг. XV в. Дом Святой Софии был вынужден ориентироваться в более сложных канонических вопросах и самостоятельно принимать куда более важные решения. Теперь перед Новгородом стояла задача церковного определения.

Не следует отбрасывать и психологический фактор. Патриархия в Константинополе, несмотря на все перипетии русско-греческих отношений и последствия Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг., безусловно, в значительной мере сохраняла свой освященный веками авторитет. Складывавшиеся в течение столетий представления, что «царство Ромеев и святейшая Великая церковь есть источник всякого благочестия и училище законодательства и освящения»,²³ не могли исчезнуть в одно мгновение. Решиться на открытое выступление против вселенского патриарха, а признание автокефального московского митрополита явилось бы именно таким выступлением, было для новгородцев не легко.

²⁰ Следует учитывать, что начиная с мая 1461 г. полная официальная митрополичья титулатура («митрополит Киевский и вся Руси») перестает употребляться в делопроизводстве Русской церкви. Однако в это же время утверждается и становится основным краткий титул – «митрополит вся Руси» (*Плигузов А. И.* О титуле «митрополит Киевский и вся Руси» // *РФА.* Ч. 5. С. 1035, 1042). Как видно, автор Триоди цветной не только обошел стороной вопрос титулатуры, но и употребил применительно к Феодосию более нейтральное определение: «архиепископ» вместо «митрополит».

²¹ Ср.: *Скрынников Р. Иван III.* М., 2006. С. 85.

²² *РИБ.* Т. 6. № 12. Стб. 236–237; *Баловнев Д. А.* Приходское духовенство XV–начала XVI века по новгородским писцовым книгам (Численность и особенности состава) // *Отечественная история.* 2004. № 4. С. 137; О митрополите Киприане см.: *Дробленкова Н. Ф.* (библиография), *Прохоров Г. М.* Киприан // *СККДР.* Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 464–475. Примечательно, что количество дьяконов в церквях Русской православной церкви конца XV – начала XVI в. (а по всей вероятности и ранее, о чем свидетельствует обращение епископа Сарайского Феогноста к патриарху) было чрезвычайно невелико. Например, в Новгородских пятинах их было всего 3,7 % от количества церквей (*Баловнев Д. А.* Церковные приходы и приходское духовенство в XIV–XV вв. на Руси (Северо-Восточные, Новгородские и Псковские земли): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 13).

Дело осложнялось еще и тем, что истинное состояние Константинопольской патриархии было, очевидно, до конца не выяснено и отношение к ней не определено. С одной стороны, с восшествием на патриаршее место Геннадия Схолария (1453 г.) Флорентийская уния была окончательно отвергнута и греческая церковь вернулась в лоно православия.²⁴ Следовательно, причина обособления и самочинного поставления митрополитов Русской церкви устранилась, что давало Новгороду еще больше оснований уходить от общения с митрополитами, имевшими кафедру в Москве. С другой стороны, православной Византии уже тоже не было. Константинополем с 1453 г. управляли турецкие султаны-мусульмане. Какие отношения предпочитали вести они с православной церковью, не истребили ли вконец православие, не заставили ли возносить молитвы своему богу – оставалось не ясно. Вполне вероятно, что на Руси были осведомлены о той роли, которую сыграл султан Мехмед II в деле рукоположения патриарха Геннадия Схолария.

По крайней мере, Москва была уверена (или убедительно делала вид), что «православие греков уже изрушилось», и как раз это основание использовала для доказательства своей правоты и чистоты. И новгородская владычная кафедра колебалась. Когда в середине XIV в. между митрополитом Московским и архиепископами Новгородскими разразился конфликт вокруг важной привилегии новгородских архиепископов – крестчатых риз, выделявших местных владык из череды других архиепископов и символизировавших особое значение кафедры, архиепископ Моисей († 1363) незамедлительно обратился к патриарху с просьбой разрешить недоразумение. Затем он еще раз «посла послы своа» в Константинополь «о непотребных вещех, приходящих от митрополита с насильем».²⁵ Никаких церковных контактов между Новгородом и Константинополем в 60-е гг. не зафиксировано, хотя ситуация была более серьезная, нежели проблема крестчатых риз, и предполагала обращение к патриарху как к высшей инстанции, способной разрешить все недомыслие. Это свидетельствует о сомнениях относительно легитимности самого патриарха.

Представляется, что именно неопределенность Новгорода, отсутствие у архиепископов четкой позиции «за» или «против» признания церковного авторитета Москвы во многом определяли новгородско-московские отношения в 60-е гг. XV в.²⁶ И эта неопределенность вызывала

²⁴ Так считал великий князь Московский Семен Иванович Гордый (1340–1353), а император Византии Иоанн VI Кантакузин (1341–1354) еще больше наставлял его в этом взгляде на природу политической и церковной власти Византии (см.: *Соколов Ил.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 38–39).

²⁵ О попытках введения унии в Греции в середине XV в. см.: *Ломизе Е. М.* К вопросу об отношениях церкви и государства в Византии в связи с Флорентийской унией (1439) // *История. Культура. Этнология.* М., 1994. С. 21–36.

²⁶ РИБ. Т. 6. Приложения. № 10, 19; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 286.

²⁷ Ср.: *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 181–182; *Manusadžianas T.* Naugardo politinēs kryžkeleš (1470–1471) bažnytinis aspektas // *Tarp istorijos ir būtoves. Studijos prof. E. Gudavičiaus 70-mečiui.* Vilnius, 1999. P. 225–232 (выражаю признательность С. Полехову за перевод этой статьи). См. также: *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 313.

и у митрополитов, и у великого князя беспокойство. Только в Москве сомнения Дома Святой Софии воспринималась иначе – не как страх предать православие либо уклонением в «московский раскол», либо симпатией к «изрушившемуся» греческому православию, но как возможность перехода в «латинство». Естественно, Москва, убежденная в своей правоте, и, очевидно, вполне удовлетворявшаяся каноническими нормами, которые предусматривали автокефалию, относилась с опаской, а затем и играла на сомнениях новгородцев.

Иван III, насколько можно судить из источников, прекрасно понимал, какие именно доказательства надо приводить для обличения патриархов в глазах православного русского населения в целом и новгородцев в частности. Поскольку обращение к последствиям Флорентийской унии было больше не актуально, он разыгрывал «исламскую карту». Во второй половине 60-х гг. XV в. (вероятнее всего, в 1467–1468 гг.) Иван III шлет архиепископу Новгородскому Ионе грамоту, в которой пытается убедить владыку в «истинном» положении вещей в Константинополе: «Большие церкви Божьи соборные турецкий султан в мизгити починил, а которые церкви оставил патреарху, а на тех крестов нет, ни звону нет – поют без звону».²⁷ Главная задача послания состояла в том, чтобы показать, насколько нынешнее состояние патриархии не соответствует требованиям, предъявляемым к православной церкви и, в конце концов, убедить Новгород в отступлении Константинополя от веры.

На сомнения в православной сущности современных цареградских патриархов накладывались характерные для того времени провиденциалистские представления. Захват Константинополя и падение христианской империи Второго Рима расценивались как наказание Господне за грехи. Более того, огромное впечатление, произведенное падением Константинополя на современников, усиливалось в соответствии с эсхатологическими ожиданиями на исходе XV в. Умонастроения на Руси того времени ярко отразились в рукописном сборнике житий, составленном в 1459 г. (из собрания ГИМ). Эсхатологические ожидания пронизывают весь сборник и начинаются уже во введении, в котором подчеркивается, что книга содержит «жития святых и богоносных моужи, иже в последня времена рода нашего в посте и молитве просиявших; не бо един или два, но мнози и велици чудотворци». Не менее значительно предисловие к Житию Игнатия Ростовского: «Прославимь убо, братие, всемилостиваго Бога и Пречистую его Матерь, еже нынешняя лета и последняя времена прояви Богъ таковаго светилника и учителя церковнаго».²⁸

Разгром Византии, императоры которой объявляли себя правителями ойкумены, еще больше настраивал на мысль о грядущем конце мира. Характерные переживания того времени отражены в «Повести о взятии Царьграда турками»: «...Еже на нас милость Божию и щедрот отвращаемся и на злодеяния и безакония обращаемся, имжеже Бога и пречистую его Матерь разгневаем <...> Также и ныне, в последняя времена, грех

²⁷ ЛАЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 80; РИБ. Т. 6. № 100.

²⁸ ГИМ. Син. № 637. Л. 1 об., 116 об.–117.

ради наших <...> приуничижися град, и смирися дозела и бысть яко сень в винограде и яко овошное хранилище в вертограде». ²⁹ Таким образом, турецкий плен, с точки зрения современников, сам по себе свидетельствовал о серьезнейших преступлениях греков перед верой и Богом, а также вполне определенно намекал на близость «последних времен».

Примечательно, что к концу правления Василия III, в 20-е – начале 30-х гг. XVI в., Флорентийская уния снова оказывается востребованной для идеологических штампов великокняжеской администрации. Так, обвинения Максима Грека, касавшиеся его точки зрения на раскольничье положение Русской церкви («митрополит здесь сам поставляется на митрополию без благословения патряршего, не по правилам святых отец. Потому князь великий и митрополит сами ся прокляли со всеми последующими им»), были «усилены» обвинением в сочувствии митрополиту Исидору и идеям унии. Максиму Греку приписывали такие слова: «А что Сидор митрополит, <...> а то был пошлой (так в грамоте – А. Т.) учитель истинны, а истинствовал о хрестьянстве гораздо и проповедовал благоугодно и православно соединение истинно православныя веры (выделено мной – А. Т.)». ³⁰

Впрочем, основным доказательством автокефалии Русской церкви в первой половине XVI столетия по-прежнему оставалось положение о подчинении Константинопольской патриархии иноверцам. Например, в отражающей правительственную точку зрения Воскресенской летописи, составленной, по мнению Б.М. Клосса, в 1541 г., рукоположение митрополитов в Москве со времен Ионы объяснялось так: «От сих мест начаша ставити митрополитов на Москве, к Царюграду не ходя; обладад бо бяше Царемьградом Турский царь, и царя уби, и пути не дасть, и поча царствовати в нем». ³¹ Не менее красноречиво послание великому князю Василию III, приписываемое старцу Филофею, монаху Псковского Елеазарова монастыря, однако, по всей видимости, созданное в 1530-х–1540-х гг. в кругу митрополита Макария. Объясняя государю концепцию Третьего Рима, автор послания пишет: «Старого убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси. Второго Рима, Константинова града, церкви агаряне внуцы секирами и оскордми разсекоша двери». ³² (Характерно, что в одном из вариантов послания на имя дьяка М. Г. Мисоря Мунехина, наиболее надежно атрибутируемого Филофею, говорится совершенно противоположное. Автор послания утверждает, что, несмотря на захват православных стран «агарянами», за-

²⁹ Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // БЛДР. СПб., 2000. Т. 7. С. 30, 32; Ср.: Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 364.

³⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 119.

³¹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 149; О Воскресенской летописи см.: Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001.

³² Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложение. № IX. С. 50; Симицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. Приложения. С. 358; Об атрибуции послания см.: Гольдберг А. Л., Дмитриев Р. П. Филофей // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 472; Симицына Н. В. Третий Рим... С. 133–140.

хватчики «веры не повредиша», и тамошние архиереи «неврежены пребывают по великим градом во священных церквах».³³

Привлекает внимание, что теперь речь вовсе не идет об изменении обрядности, а тем более православного вероучения в греческой церкви (что было характерно для первых лет правления Ивана III и нашло отражение в его новгородском послании второй половины 60-х гг. XV в.), но исключительно о политических причинах. Более того, падение Рима и Константинополя как бы противопоставляются друг другу. Гибель Рима вызвана серьезнейшей церковной проблемой, ересью, и потому, с позиции церковной онтологии, более тяжка по своим последствиям, нежели политическая смерть «Константинова града» от военных причин.

Политический аспект непризнания Константинопольских патриархов возникает в московской идеологии довольно рано. Он проявляется уже в повольной грамоте тверского епископа Вассиана митрополиту Геронтию, данной вскоре после архиерейской хиротонии, которая состоялась 6 декабря 1477 г. Давая обещание не принимать ставленников из Царьграда, Вассиан так мотивирует свою клятву: «А к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатане, взыскавшему в Цареграде поставление во области безъбожных турок от поганого царя (выделено мной – А. Т.), или кто будет иной митрополит поставлен от латин или от турскаго области, не преступати ми к нему».³⁴ Эта формулировка существенно отличается от того угла зрения, который был характерен для новгородской грамоты Ивана III о непризнании ставленников Дионисия. Теперь речь идет не об «изрушевшемся» православию без крестов на храмах и колокольного перезвона, и не о внутрицерковных проблемах. Все внимание дающего клятву сосредоточено исключительно на политических мотивах: подчинение патриарху невозможно в силу его зависимости от власти султана. Очевидно, уже в 70-е гг. на Руси старались отходить от обвинений патриарха в отступлении от истинного православия. Слишком неубедительно звучали подобные обвинения, и по-прежнему очень высок был авторитет патриархии Константинопольской.

Таким образом, позицию новгородской архиепископии в 60-е гг. XV в. можно охарактеризовать как стремление к сохранению чистоты православного вероучения в бурной религиозной жизни эпохи. Эта позиция возникла существенно раньше – не позднее конца 1430-х гг. церковная организация Новгорода заявила приверженность принципам ортодоксального православного вероучения.

Стремление Новгорода к сохранению православного вероучения без каких-либо искажений влекло за собой осторожность в церковных кон-

³³ См.: *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении Хронографа // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66. № 8. С. 110–111).

³⁴ РФА. М., 1987. Ч. 3. С. 689–690; Ср. с мнением С. В. Минесвой о составлении грамоты Вассианом еще в его бытность архимандритом Отроча монастыря в середине 70-х гг. XV в., между рукоположением Спиридона-Саввы в Константинополе (осень 1472) и его заточением в Литве (вскоре после 1476 г.). Очевидно, это стало следствием недоразумения, возможно, вызванного обращением С. В. Минесвой к другому списку Миней Четких – Синодальному, а не Успенскому (см.: *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1. С. 118).

тактах с митрополией «всая Руси» в Москве. При этом Дом Святой Софии не разрывал совсем отношения с церковным центром: архиепископ Иона несколько раз ездил в Москву, в том числе на свою хиротонию, и не стеснялся просить помощи у митрополита, если это отвечало интересам Новгорода и епархии. Например, когда разгорелся псковско-новгородский конфликт вокруг владений архиепископа в Пскове, Иона обратился к митрополиту Феодосию с жалобой.

Точно так же и митрополичья кафедра отнюдь не стремилась подавить новгородскую архиерейскую самостоятельность во что бы то ни стало и, когда этого требовала обстановка, поддерживала архиепископов Новгородских ради стабилизации взаимоотношений. 26 января 1463 г. митрополит Феодосий выдал владыке Ионе заповедную грамоту на владение церковными селами, землями, водами и на сбор церковных пошлин.³⁵ Грамота была выдана накануне отъезда из Москвы новгородского посла, которое прибыло для того, чтобы смягчить московско-новгородские политические отношения.

Одновременно Новгород желал сохранения политической независимости и государственной уникальности. В то же время Москва уже в правление Василия Васильевича Темного показала со всей определенностью, что считает Новгород своей «отчиной». Отсюда политические (не церковные!) антимосковские контакты Новгорода с Литвой.

Дипломатичная политика времен архиепископа Ионы, направленная на сохранение максимально возможной самостоятельности Новгорода как в церковном, так и в светском отношении, нашла отражение в рассказе о предсказании Ионе архиепископского сана. Этот рассказ встречается в качестве самостоятельной статьи в сборниках, древнейшие из которых относятся к первой трети XVI в. Он также включен в Новгородскую летопись по списку П. П. Дубровского. Заключается рассказ словами: «И бысть же при его святительстве мир со всеми землями, и тишина, и гобзование плодом».³⁶ Конечно, эта формулировка в соответствии с правилами жанра во многом представляется традиционным «этикетным» заключением рассказа, но ее сущность вполне отражает историческую действительность. С точки зрения новгородцев, эпоха Ионы в сравнении с тем положением, в котором оказался Новгород после московского похода 1471 г., была по-настоящему мирной и тихой.

Не желание «предаться» королю как самоцель и тем более переход в «латыню» управляло новгородцами в 60-е гг. XV в., как это уже в то время расценивала московская идеология, но поиск противовеса против решительно настроенного великого княжества Московского. В частности, обращение новгородцев к Казимиру летом 1463 г. необходимо рассматривать через эту призму.

³⁵ РФА. Ч. 1. № 4; Ч. 2. № 66; См. также комментарий А. И. Плигузова и Г. В. Семенченко: РФА. М., 1988. Ч. 4. С. 890.

³⁶ ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 184. О сборниках, содержащих рассказ, см.: Турилов А. А. Когда умер Михаил Клопский и кто предсказал церковную карьеру новгородскому архиепископу Ионе // Славяноведение. 2005. № 4. С. 43–49 (А. А. Турилов также показал, что юридичий прорицатель, предсказавший в рассказе сан архиепископу Ионе, не может отождествляться с Михаилом Клопским).

Вряд ли есть достаточные основания видеть в событиях 1463 г. продуманную антимосковскую политику Новгорода, в начале года нарушившего условия Яжелбицкого мира, а летом решившего укрепить свои позиции дальнейшим сотрудничеством с Литвой. Кажется, наоборот, Москва своей наступательной политикой на Псковщине подтолкнула Новгород к поиску политического противовеса. Отправка Иваном III рати Федора Юрьевича, показавшая новгородцам истинное лицо нового великого князя Московского, стала тем событием, которое в «Летописи Авраамки» определяется словами «княже възмушение еже на Великии на Новъгород». Это предположение подтверждается тем, что в летописи рассказ о посольствах помещен после сообщения о войне на псковско-ливонской границе, в конце годовой статьи. Т. е. хронологически антимосковские контакты Новгорода с Литвой начались уже после отправки московских ратей.

Стоит полагать, что и другие самостоятельные в политическом отношении русские земли, тем более такие, где были собственные епархиальные центры, тоже не без опасений рассматривали автокефалию Русской церкви и предпочитали не вмешиваться в те деяния митрополии, которые казались наиболее сомнительными. Например, Тверь. Тверская епархия, как и Новгородская епископия, в XV столетии вплоть до покорения Твери Москвой (1485 г.) держалась независимо. О сомнениях относительно правомочности самостоятельного, минуя Константинополь, избрания преемника митрополита Ионы, а также об опасениях Москвы относительно контактов тверского владыки Геннадия Кожина с Григорием Литовским свидетельствуют события 1461 г.

22 марта 1461 г. Геннадий был рукоположен в епископы Тверские в Москве: «...Поставили Генадья Кожу на владычество; а ставили его на Москве, а с ним был боярин Семен Захарииничь; а ставил его митрополит Иона месяца марта 22».³⁷ Сразу же он дает повольную грамоту с присягой о непризнании униата Григория и других будущих «латынских» ставленников. В этой же грамоте он соглашается на поставление после Ионы в митрополиты того, «кого Бог изберет и благодать Святого Духа, и отец наш, святейший митрополит».³⁸ Сам же покидает Москву и отправляется в Тверь, хотя собор, избравший преемника Ионы, предполагал быть сразу после хиротонии Геннадия и состоялся не позже 31 марта 1461 г.³⁹

Следует подчеркнуть, что на этом соборе не рукополагался новый глава церкви (Иона еще был жив), но только определялся митрополичий «наследник». И даже такое соборное деяние, по всей вероятности, настаивало на том, что Геннадия, что объясняет его скорый отъезд. Повольная грамота, данная им, вовсе не свидетельствует о действительном согласии с постановлением собора. В данном случае, скорее, имело место обычное соблюдение канонических норм, в обязательном порядке предписывавших архиерею, который оказывался не в состоянии присутство-

³⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 496.

³⁸ РФА. Ч. 1. № 31.

³⁹ В макарьевских Минях-Четьях под 31 марта помещено «Слово похвально» Ионе и чудеса (ВМЧ. Freiburg, 2001. Т. 3. С. 1901 (Л. 951) и далее).

вать на соборе, согласиться с соборным определением. Такая норма содержится, например, в чине рукоположения епископа, датированном около 1423 г.: «Аще ли же не мощно будеть некоторому от них приити к тому избранию на уреченный рок и день, или немощи великия ради, или паки некоей великой нужи належащи, <...> посылает грамоту своєю руки, да еже аще что створит събор, <...> того же избрания держагися и неразлучно быти...».⁴⁰ Архиерей, не явившийся на собор и не представивший извинительных причин, подлежал как ослушавшийся «своего святителя болшаго» и «впадший в ров непослушания» «обнажению святительския чести и сана и изгнанию от святительскаго числа и причта».⁴¹

Несколько позднее (между 10 мая и 8 июля 1461 г.), несмотря на существование повольной грамоты, где и согласие на выбор митрополичьего преемника и клятва не признавать Григория Болгарина были прописаны вполне определенно, Геннадий еще раз дает обещание не связываться с Григорием, а также клянется в верности московскому митрополиту.⁴² Между тем, о схожих ситуациях в других епархиях практически ничего неизвестно. Чем же это объясняется?

Очевидно, степень церковной независимости от Москвы в то время напрямую определялась уровнем политической самостоятельности. Так, в Новгороде это проявилось заметно больше, нежели в Твери. А в Рязани, формально остававшейся независимой до 1521 г., но в действительности зависевшей от великих князей Московских (несмотря на существование при рязанском дворе сторонников восстановления самостоятельности княжества путем союза с Литвой или Крымом),⁴³ местные владыки на протяжении второй половины XV – начала XVI в. практически не проявляли признаков самостоятельности, тем более стремления обособиться от митрополичьей власти.

Возможно, именно степенью антимосковских настроений определялась направленность политики собирания московских земель: Новгород был подчинен первым, затем Тверь (ликвидация княжества, оказавшегося между только что включенными территориями Новгорода и московскими землями и затруднявшего прямые контакты, становилась важной задачей), и в самую последнюю очередь – Рязань. Вероятно, и Иван III, и Василий III полагали, что существование буферных васальных земель, находящихся на стратегически важных окраинах, до определенного момента лучше, нежели их непосредственное включение в состав государства. (Политика великих князей и митрополии «всєя Руси» в центральных областях заслуживает отдельного рассмот-

⁴⁰ РИБ. Т. 6. № 52. Стб. 439; Повольную грамоту Геннадия см.: Там же. № 92.

⁴¹ *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний (Опыт историко-литературного исследования). Камснец-Подольск, 1906. С. 276.

⁴² РИБ. Т. 6. № 94; РФЛ. Ч. 1. № 55; Подробнее об избрании Феодосия см.: *Абеленцева О. А.* К вопросу об избрании преемника митрополита Ионы в 1461 г. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 179–186.

⁴³ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 223, 227 и далее; *Сметанина С. И.* Новый документ о пребывании Рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 14–16.

рения.) Такая политика со второй половины XV в. становится традиционной для правителей России. Одним из ее проявлений в это время становится также поддержка изначально враждебного Касимовского царства, особенно активизировавшаяся с 1487 г. и призванная обеспечить безопасность юго-восточных границ Руси.⁴⁴ Впоследствии, во второй половине XVI в., Иван Грозный стремился создать вассальное королевство Магнуса и тем самым обеспечить выход России к Балтийскому морю. В XIX в. соответствующий принцип был основным при завоевании Средней Азии. Вернемся к Новгороду.

Традиционно считается, что 60–70-е гг. XV в. прошли в Новгороде под знаком борьбы двух партий: «литовской» и «московской». Следует учитывать достаточную условность деления новгородцев по принадлежности к той или иной партии. Речь шла лишь о различных путях защиты новгородцев.⁴⁵ Партии боролись, в первую очередь, за определение дальнейшей политического пути Новгорода: с ориентацией на Москву или на Вильно в качестве «меньшего зла» для независимости всей земли. Подобная ситуация была вполне в духе того времени. Местные политические центры, обеспокоенные ростом притязаний великих князей Московских на господство в Северо-Восточной Руси, часто искали поддержки у сильных соседей, в первую очередь, у Литвы. Например, Иван Федорович Рязанский в 1427 г. заключил договор с великим князем Литовским Витовтом, направленный против Василия Васильевича Темного.⁴⁶

В церковном отношении речь об уклонении Новгорода в «латинство» тем более не шла. Новгород последовательно выступал за традиционные принципы вероисповедания, без всяких примесей и искажений. Как уже отмечалось, город без каких-либо колебаний отверг Флорентийскую унию. Думается, представления о чистоте православия во многом определяли успех борющихся партий.

Очевидно, победу литовской партии на самом рубеже 60–70-х гг. следует понимать именно как результат перехода литовского митрополита-униата Григория в православие и воссоединения с патриаршеством. Григорий Болгарин просил «благословения и подтверждения» у Константинопольского патриарха Симеона Трапезундского и получил его уже при преемнике Симеона патриархе Дионисии (первое патриаршество; осень 1466–конец 1471 г.). Важно, что Дионисий являлся уче-

⁴⁴ См. новейшее исследование по истории Касимовского царства: *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445–1552 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 18, 20–21. Ср.: *Бахтин А. Г.* Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 32.

⁴⁵ *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 223; *Манусаджянас Т. 1*) Новгород на политическом перекрестке в 1470–1471 гг. // Проблемы истории России. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 229–231; 2) *Naugardo politinės kryžkelės (1470–1471) bažnytinis aspektas // Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. E. Gudavičiaus 70-mečiui.* Vilnius, 1999. P. 213–233.

⁴⁶ *Тарасов А. Е.* Возвышение митрополита Ионы (Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в.) // Вестн. моск. ун-та. Сер. 8. История. 2005. № 2. С. 111.

ником знаменитого противника Флорентийской унии Марка Эфесского, в качестве его послушника жил при Марке до самой его кончины и вслед за своим учителем отличался строгим православием.⁴⁷ Имя Марка Эфесского было прекрасно известно на Руси. «Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона и летописные своды второй половины XV в. (в частности, Московский свод 1479 г.) воспевали подвиг единственного участника собора, не подписавшего соборное постановление о принятии унии и обличавшего ее Симеон Суздальский, словами митрополита Дорофея Иерусалимского, даже уподоблял Марка Эфесского трем величайшим учителям восточно-христианской церкви: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту.⁴⁸ Сомневаться в истинности православия Дионисия уже вряд ли приходилось.

Долго висевшие над новгородской кафедрой дамокловым мечом сомнения в том, на кого им следует ориентироваться, были близки к разрешению. (Церковно-правовой аспект этих сомнений заключался в предписании 34-го Апостольского правила: «Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения»).

Патриарх Константинопольский, признав Григория Болгарина, отправил в Русь послание, адресованное «благородным и благоверным и христоролюбивым князем и княгинем, боярам, и детям боярским, и купцам, и всему христоименитому господню людуству». В нем он не только давал понять, что действительно является православным иерархом (что в первую очередь оспаривала Москва), но и прямо объявлял, кто находится с ним в каноническом общении, а кто – в расколе. Самочинная, по мнению патриарха, Русская православная церковь с митрополичьим центром в Москве должна была подчиниться Григорию Болгарину: «А што вделали на Москве, ажъ бы того перестали делати, <...> бо то ест противъ правилъ и противъ закону Божию, елико именовали на Москве от Ионы и до сихъ часовъ митрополитовъ, тыхъ всихъ великая зборная наша святая церковь не имаеть...».⁴⁹

⁴⁷ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Кн. 5. С. 39–40 и комментарий Б. П. Флори на с. 425–426. По мнению Е. Е. Голубинского, признание Григория Болгарина со стороны патриарха произошло в 1470 г. (Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 1-я пол. С. 525). Нет никаких оснований считать, что возвращение Григория в православие и последовавшие контакты были лишь «тактическим приемом», а сам Григорий якобы являлся объектом в политической игре Ивана III (ср.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 172–173, 175).

⁴⁸ Повесть Симеона Суздальца о VIII (Флорентийском) соборе // Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения. С. 105; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 254–257; Подробное о Марке Эфесском, а также его творения см.: Амвросий (Игодин), архим. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994 (репринт издания – Jordanville; N.Y., 1963).

⁴⁹ Щапов Я. П. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики. М., 1976. Т. 2. Приложение. № 52. С. 145–147. Грамота написана в феврале 1467 г. («Писано в Цариграде месяца февраля 18 индикта 15»).

Следует обратить внимание и на одну очень важную деталь грамоты. Данное послание – возможно, вместе с какими-то дополнительными грамотами – было отправлено в Новгород в составе отдельного посольства («шлем до всея Руское земли и до Великого Новгорода наше послы»), что также свидетельствует об исключительном положении Новгорода в перипетиях церковных отношений 60-х – начала 70-х гг. XV в. Очевидно, патриарх был в курсе особого мнения архиепископии Новгородской о церковной ситуации, сложившейся в восточной Европе, и посчитал нужным направить туда самостоятельное посольство.⁵⁰ Наверняка Дионисий рассчитывал на то, что могущественная и самая крупная владычная кафедра Русской церкви, занявшая выжидательную позицию, повернет в сторону признания Григория Болгарина. Тем самым будет не только существенно укреплен потенциал митрополии «всея Руси» с центром в Вильно, но и создастся прецедент, пример для других великорусских епархий, которые были склонны к каноническому единству с митрополией в Москве.

Реставрация патриаршей власти и все, что вытекало из этого, не только предполагала церковную переориентацию новгородской владычной кафедры, но и делала вполне естественным усиление светских политических контактов с Вильно. Кроме того, вновь занявшая свое высокое место фигура истинного православного патриарха действовала на сомневающихся в Новгороде вполне определенным образом. Шанс перетянуть на свою сторону не определившихся новгородцев существенно повышался у партии сторонников сближения с Литвой. Обычно об этой части населения Новгорода забывают, подспудно полагая, что все новгородцы являлись приверженцами либо «литовской», либо – «московской» партий. Однако, скорее, именно эта категория жителей составляла большинство. И их позиция в целом не могла не оказывать влияние на политику «лучших» новгородцев.

Серьезное беспокойство могла вызывать фраза «шлем до всея Руское земли и до Великого Новгорода» и в Москве. Позиция Дионисия Константинопольского была предельно ясна – Новгород не часть Русской земли, а вполне самостоятельное государственное образование. Такое отношение патриарха играло на руку новгородскому сепаратизму и могло стать мощнейшим идеологическим основанием для него. Таким образом, наносился существенный удар по московской концепции Новгорода как «своей отчины», тщательно и последовательно развивавшейся Иваном III на протяжении всех лет правления. Поэтому неслучайно великий князь Московский воспротивился проникновению на Русь византийских послов и попытался сделать все возможное, чтобы дискредитировать патриарха в глазах населения. И в первую очередь Иван III стремился воздействовать на наиболее проблемное место – на Великий Новгород. Его послание архиепископу Новгородскому Ионе, в котором государь пытается убедить владыку в «истинном» положении вещей в Константинополе («большие церкви Божьи соборные турецкий султан в мизгити починил, а которые церкви оставил патрехрху, а на тех кре-

⁵⁰ Ср.: *Синицына Н. В.* Третий Рим... С. 109.

стов нет, ни звону нет – поют без звону»)), по всей вероятности, явилось откликом на признание Дионисием Григория, а также сопроводительное послание на Русь.⁵¹

Предположение о незыблемости православия в Новгороде как основном принципе самоопределения города вполне подтверждается одним из условий новгородско-литовского соглашения (возможно, только проекта), ставшего следствием победы литовской партии и решительного политического поворота Новгорода в сторону Литвы. Согласно тексту этого соглашения, составленного осенью 1470 – летом 1471 г. (не позднее начала июля 1471 г.),⁵² роль новгородского сюзерена передавалась «честному королю» и великому князю Литовскому. Все прочее оставалось без существенных изменений, новгородская «старина» и «пошлина» не нарушалась. Особо подчеркивались требования к королю «веры греческие православные нашей не отнимати», архиепископа выбирать «по своей воли» и «римских церквей <...> в Великом Новгороде не ставити, ни по пригородом новгородцким, ни по всей земли Новгородской».⁵³

Характерно, что в конце 1470 г. Новгород принимает из Литвы на княжий двор православного киевского князя Михаила Александровича (Олельковича). По всей видимости, Михаил Александрович прибыл в Новгород еще до заключения новгородско-литовского соглашения, и не в качестве официального посланца Казимира IV, а по самостоятельному решению новгородского веча.⁵⁴ Если это действительно было так,

⁵¹ Ср.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 1-я пол. С. 535; Возвращение Григория в лоно православия и воссоединение литовской митрополии с патриархатом произошло в конце 1466 – начале 1467 г.; патриаршее послание на Русь было составлено в феврале 1467 г. Должно было пройти некоторое время, пока в Москве стало известно о серьезных изменениях статуса литовской митрополии и попытках утверждения Дионисия в Литве и Новгороде. В то же время медлить с ответом было нельзя. Таким образом, грамоту Ивана III в Новгород следует датировать временем, близким к событиям конца 1466 – начала 1467 г., вероятно, серединой – второй половиной 1467 г. Впрочем, довольно вероятно и датировка после 22 апреля 1468 г. (см.: РФА. Ч. 5. С. 955. Комментарий А. И. Плигузова).

⁵² Датировку грамоты см.: Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 324–327; Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. С. 150–152; По мнению В. Л. Янина, мирный договор был заключен в конце 1470 г. (Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 322).

⁵³ ГВНП. М.; Л., 1949. № 77. С. 132; Петров А. В. От язычества к Святой Руси... С. 311. Детальный анализ грамоты проведен В. П. Бернадским (Бернадский В. П. Новгород и Новгородская земля... С. 270–272).

⁵⁴ Ср.: Маевский В. В. Образование русского национального государства. Л.; М., 1939. С. 137; Розов Н. Н. Из истории русской общественной мысли XV–XVI веков... С. 6; Ф. Паппэ, К. В. Базилович и некоторые другие историки сомневались в достоверности пребывания Михаила Олельковича в качестве официального посланника Казимира, полагая, что новгородцы сами пригласили его (Papée F. Polska a Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1904. Т. 1. С. 38–40; Базилович К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. 2-е изд. М., 2001. С. 85–86; Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. С. 153; Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 10); В. Ульяновский считает, что Михаил Олелькович находился в оппозиции к королю Казимиру, однако он же выступил и противником идеи рукоположения местоблюстителя новгородской кафедры у митрополита

то приглашение в Новгород православного князя из Литвы показывало готовность Новгорода признать власть великого князя Литовского Казимира и предвещало будущее крестное целование. При этом Казимиру давалось понять, что незыблемость православия в Новгороде – одно из важнейших условий договора.⁵⁵ Впоследствии в договорной грамоте оговаривалось, что литовский наместник должен быть «от нашей веры от греческой, от православного хрестьянства». Щепетильность новгородцев в этом вопросе вполне понятна.

Очевидно, новгородцы принимали во внимание политику Казимира в отношении Киева. Практически в то же время, после смерти осенью 1470 г. правившего в Киеве князя Семена Александровича (Олельковича), Казимир ликвидирует самостоятельное Киевское княжество. Наместником туда он назначает литовского пана, католика Мартина Яновича Гаштольда, хотя киевляне не хотели принимать иноверца.⁵⁶ Несмотря на самостоятельный княжеский стол, Киев входил в орбиту влияния королевства – киевские князья были вассалами королей. Новгородцы могли опасаться соответствующих действий Казимира в отношении Новгорода в случае заключения соглашения, а потому внесли в текст договора статью об обязательном православном исповедании будущего наместника.

Между тем, часть новгородского духовенства продолжала сомневаться и считала вполне возможными церковные контакты с митрополитом в Москве. Различие позиций особенно ярко проявилось после выборов нового архиепископа в конце 1470 г. Но об этом позже, пока вновь обратимся к событиям 1460-х гг.

Важнейшее церковно-политическое событие для характеристики московско-новгородских отношений 60-х гг. XV в. произошло весной 1464 г. «В марте 1464 г. новгородцы торжественно встречали грека Иосифа, только что поставленного на Москве в архиепископы Кесарии Филипповой. Этот важный международный акт, свидетельствующий об авторитете московской митрополии, был полностью поддержан в Новгороде, о чем счел нужным написать летописец». Данное событие, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о неожиданной перемене к лучшему в московско-новгородских отношениях и о поддержке архиепископом московской церковной политики, направленной на усиление международного авторитета русской митрополии.⁵⁷

в Москве (Ульяновский В. Митрополит Київський Спиридон: Образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ, 2004. С. 78–81).

⁵⁵ В московских источниках прослеживается тенденциозность обвинения Михаила Олельковича в стремлении склонить Новгород к «латинству», однако он не был носителем каких-либо религиозных разногласий (ср.: Гордиенко Э. А. «К истории изучения новгородской ереси 15 – начала 16 в.» // Великий Новгород и средневекковая Русь. М., 2009. С. 44).

⁵⁶ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 211.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. 1) Под знаменами Москвы... С. 105; 2) Москва и Новгород накануне Шелонского похода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 76–77; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 138.

Между тем, нет достаточных оснований считать визит Иосифа и сбор им пожертвований в Новгороде (такова была главная цель его поездки) свидетельством нормализации отношений между архиепископией и митрополией. Наличие просительной грамоты митрополита Феодосия в Псков и Новгород о содействии новопоставленному иерарху в сборе средств на «искупление» Воскресенского храма Иерусалима еще не подтверждает это.⁵⁸ Во-первых, помощь единоверцу, да еще в таком деле, как восстановление храма Воскресения Христова в Иерусалиме, городе, находящемся во власти мусульман, отвечала универсальным требованиям христианского благочестия и милосердия. Во-вторых, возможность оказания массовой помощи православным самого Иерусалима – главнейшей святыни христианского мира – насколько известно, впервые возникла у населения Руси. Вне зависимости от того, какие взгляды были характерны для жителей Новгорода и Москвы и как строились отношения между ними, в данном случае каждый действовал в первую очередь исключительно в собственных интересах. Помощь Иерусалиму равно прославляла каждого дающего и расценивалась в качестве лепты, которая будет зачтена на небесах.

(Впрочем, Москва все же могла извлечь определенную выгоду для подтверждения своего статуса из приезда ближневосточного духовенства. Обращение к митрополиту и великому князю со стороны представителей Иерусалимской церкви показывало, что в этом вселенском патриархате московского митрополита не считают раскольником и нарушителем канонической дисциплины, поскольку, согласно каноническим нормам, представители поместных церквей не имеют права входить в церковное общение с тем, кого не признает иерархия другой поместной церкви. Тем более недействительным считается рукоположение у раскольничьего архиерея. В данном случае, контакты от имени Иерусалима были весьма кстати для московского самосознания и идеологии.)

О напряженной политической ситуации в Новгороде 60-х–70-х гг. XV в., отражавшейся на церковном состоянии, свидетельствуют изменения, коснувшиеся и новгородской архимандритии. Под «архимандритией» традиционно подразумевается особый церковный институт средневекового Новгорода, в ведение которого входила координация отношений всех новгородских монастырей между собой, а также с внешним миром.⁵⁹ (В Византии подобный чиновник, исполнявший обязанности смотрителя всех монастырей епархии, назывался «великим сакелларием».) В Новгороде издревле был только один архимандрит, считавшийся представителем всей земли. Он избирался «всем Новгородом», т. е. на вече, получал в качестве резиденции Юрьев монастырь,

⁵⁸ ДИ. Т. 1. № 78; ААЭ. Т. 1. № 80; РФА. Ч. 1. № 27.

⁵⁹ Ср.: *Бълхова М. И.* Монастыри на Руси XI–середины XIV века // *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки.* М., 2002. С. 43–44; См. также: РФА. Ч. 4. С. 894; Ср. с архимандритией московской: *Борисов Н. С.* Московская архимандрития в XIV в. // *От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корр. РАН Я. П. Щапову.* М., 2005. С. 169–176; ср. с архимандритией Псковской: *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 318–320.

имел ограниченный срок архимандритства и, по-видимому, не оставлял игуменства в тех обителях, откуда выдвигался на этот высокий пост.⁶⁰

Изменения, коснувшиеся новгородской «архимандритии», состояли, во-первых, в попытке архиепископской кафедры создать в Новгороде еще одну архимандритию в Варлаамо-Хутынском монастыре в 1461 г.;⁶¹ во-вторых, поставить архимандритию Юрьевскую под большой контроль кафедры путем назначения архимандритов по собственной воле, минуя вече, что имело место годом позже: «Архиепископ Иона постави к святому Георгию архимандрита Левонтея, мужа честиа, проста и тиха».⁶² По мнению О. В. Кузьминой, решение архиепископа Ионы являлось вполне законным, поскольку не было никем оспорено.⁶³ Однако на несогласие с действиями архиерея, как в первом, так и во втором случае, и на разразившийся внутрицерковный кризис указывает необычайная «чехарда» архимандритов Юрьевских, имевшая место в этот период. Как показал В. Л. Янин, между 1460 и 1475 г. новгородская архимандрития обновлялась девять раз.⁶⁴ История архимандритии знала ряд других случаев частой ротации архимандритов, что происходило в переломные моменты новгородской истории, при этом подобных длительных периодов чехарды прежде не было.

Очевидно, за колебаниями архимандритии в Новгороде, важнейшего института регулирования церковной жизни города, стояли и куда более глубокие причины, нежели попытки архиепископа Ионы укрепить влияние архиерейской кафедры. Историография прочно связывает 60-е – 70-е гг. XV в. с постоянной борьбой в Новгороде двух партий – «московской» и «литовской», – поочередно приходивших к власти. Разумеется, каждая партия стремилась провести на ключевые гражданские и церковные должности своих сторонников. Чехарду в архимандритии следует связывать и с этой борьбой.

Тонкая церковно-политическая игра Ивана III вокруг Новгородской епархии и Новгорода в 60-е гг. XV в., главным признаком которой была четко оформленная претензия на московское господство при нежелании до поры идти на открытый конфликт, прослеживается и на примере разбирательства вокруг псковской церковной реформы 1468 г.

⁶⁰ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. С. 164–176.

⁶¹ Под 1461 г. «Летопись Авраамки» свидетельствует: «Февраля 15, на Собор, постави архиепископ Иона к святому Спасу на Хутино и к преподобному Варлааму архимандритом Германа, мужа честиа и блага» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204).

⁶² ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. Стб. 207 (6 марта 1462 г.).

⁶³ Кузьмина О. В. Новгородская архимандрития в XIV–XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 15–17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 53.

⁶⁴ Янин В. Л. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 239. (Статья также опубликована в: 1) Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin: Ecole pratique des Hautes études. IV-e Section. № 76. Paris; Genève, 1996. P. 223–236; 2) ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 911–922).

В 1468 г. псковичи, несколькими годами ранее не добившиеся учреждения во Пскове самостоятельной епархии, решили достигнуть своего иным путем. На вече из среды духовенства были выбраны и утверждены в качестве распорядителей церковными делами два священника. На основании Кормчей книги был создан устав, которым избранные священнослужители должны были руководствоваться при решении вопросов в области церковного суда и управления. Архиепископ Иона, естественно, потребовал от Пскова отмены введенных на вече новых порядков. Когда же псковичи ответили отказом, он обещал перенести этот вопрос на рассмотрение митрополита. В октябре 1469 г. в Псков из Москвы прибыли посланцы от Ивана III и митрополита Филиппа. В митрополичьей грамоте указывалось, что власть архиепископа Ионы должна быть восстановлена, а самоуправление, как не согласующееся с традиционными принципами устройства Новгородской епархии, упразднено. По мнению ряда исследователей, великий князь и глава Русской церкви не были заинтересованы в предоставлении Пскову церковной автономии, так как в дальнейшем это могло бы привести и к усилению политической самостоятельности Псковской феодальной республики.⁶⁵

Однако дело не столько в этом. К концу 60-х гг. положение Пскова в системе великого княжества Московского оформилось окончательно. В апреле 1467 г. Псков принял московского наместника князя Федора Шуйского, а после марта 1468 г. псковичи начинают применять в делопроизводстве новую печать: «Печать псковская воедчины великого князя Ивана Васильевича». Из союзного государства Псков превратился в вассала великого князя.⁶⁶ Потенциальное усиление Пскова, в свою очередь, ослабило бы Новгородскую боярскую республику и ее архиепископию, что, стоит полагать, было на руку Москве. И уж если выбирать между некоторым усилением Пскова, который в течение определенного времени довольно уверенно шел в русле московской политики и вряд ли мог выйти из-под контроля, и внушительным ударом по новгородской самостоятельности, то, скорее, следовало бы ожидать последнего. Однако Иван III не решился нанести этот удар, как не решился пойти на другой шаг – создание самостоятельной псковской епархии в 1463–1464 г.

Очевидно, мотив поступков Ивана III и в 1469 г. был такой же, как пятью годами ранее и вообще в течение 60-х гг. XV в. Этот исторический период характеризуется тонкой игрой московской дипломатии. Иван III, хитроумно лавируя, вовремя разряжая напряженность, тем не менее настойчиво проводил в жизнь идею вассалитета Новгорода по отношению к Москве. Он ни в коей мере не пытался форсировать события, даже если выпадали блазнительные шансы для этого. Всем своим видом великий князь давал понять, что стоит за «старину» и закон, и такая политика оправдывала себя. В конце концов, его решения, не носившие

⁶⁵ *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. С. 321; *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства... С. 849; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 187.

⁶⁶ *Аракчеев В.* Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 45.

откровенно антиновгородского характера, создавали в городе определенную положительную репутацию московскому государю.⁶⁷ То же самое касается и позиции митрополита Филиппа. 8 апреля 1467 г. он отправил архиепископу Ионе заповедную грамоту, в которой подтверждал неотчуждаемость сел и имений новгородских монастырей и, главное, самой владычной кафедры.⁶⁸

События рубежа 60–70-х гг. XV в. – воссоединение литовского митрополита Геннадия с Константинопольской патриархией, как следствие – победа в Новгороде литовской партии и попытки заключения политического союза с королем Казимиром, – ознаменовали резкое изменение обстановки. Иван III, в течение 60-х гг. не решавшийся на открытое военное выступление против Новгорода, в сложившейся ситуации рисковал упустить из рук нити политической игры.

Кроме того, к началу 70-х гг. XV в. великий князь в целом разобрался с первоочередной внешнеполитической задачей, вставшей перед ним сразу по его вступлении на престол. Речь идет о взаимоотношениях с Казанским ханством. Большой казанский поход осенью 1469 г. завершился победоносно. На престол был возведен ставленник Москвы. «Первая Казань» имела огромное моральное значение, как первая победа над страной Джучиева улуса (именно в 1469 г. впервые зафиксировано использование титула «государь всяя Руси»). С точки зрения общего военно-политического положения, победа над Казанью создала новую стратегическую ситуацию, обеспечив на какое-то время относительную стабильность на восточном направлении.⁶⁹ Теперь можно было сосредоточить силы на борьбе против Новгорода. Первый новгородский поход 1471 г. и битва на Шелони определили дальнейшие пути новгородско-московских отношений.

1470–1471 годы

Хронология событий, произошедших в конце 1470 – начале 1471 г. и приведших к Первому новгородскому походу Ивана III, не достаточно ясна. Однако сопоставление различных по происхождению и направленности источников позволит до определенной степени воссоздать последовательность событий, а также определить место в них церкви. Уникальность ситуации в том, что при исследовании истории Первого новгородского похода есть возможность рассмотреть позиции большинства главных участников. Сохранились летописные версии: великокняжеская, митрополичья, новгородская (правда, недостаточно полная), независимого русского летописания, а также предательский актовый материал.⁷⁰

⁶⁷ Ср.: Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода. С. 77–78.

⁶⁸ ЛИ. Т. 1. № 82; РИБ. Т. 6. № 101; РФА. Ч. 1. № 1.

⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III (1462–1471 гг.) // Чтения по военной истории: Сб. ст. СПб., 2005. С. 158. Ср. с точкой зрения С. Х. Алишева, полагающего, что заключение мира с Казанским ханством могло быть следствием подготовки Москвы к походу на Новгород (Алишев С. Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 35–36).

⁷⁰ Подробный обзор сведений о новгородских событиях 1471 г. см.: Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. С. 144–157.

В первую очередь следует обратить внимание на семейство псковских летописей, и особенно на Псковскую III летопись, наиболее полно представляющую последовательность событий.⁷¹ Однако следует учитывать, что она является самой поздней из известных псковских летописей. В ее основу, как показал А. Н. Насонов, лег свод игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, составленный в 1567 г.⁷²

Подготовка, ход и последствия новгородского похода Ивана III 1471 г., кульминационным событием которого стала Шелонская битва, воспроизведены также в трех повестях, отражающих мнение и позиции главнейших участников событий, а также в статьях ряда местных летописных сводов.

Первый памятник – «Московская повесть о походе Ивана III на Новгород». Она была составлена вскоре после похода, в 1472 г., в кругах, близких к великому князю Московскому, и, таким образом, отражает официальную великокняжескую позицию. Наиболее ранний вариант повести читается в двух списках – Музейном (последней четверти XV – начала XVI в.) и Воронцовском.⁷³ Текст повести, близкий к Музейному списку, читается также в Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях. Несколько дополненная редакция той же повести содержится в Московском своде последней четверти XV в. и последующих великокняжеских и царских летописях.⁷⁴

Вторая повесть – т. н. «Словеса избрана от Святых Писаний», представляющая собой памятник митрополичьего летописания, вышедший из кругов, близких к митрополиту Филиппу, и составленный также вскоре после Первого новгородского похода (между 1471 и 1473 гг.). «Словеса» помещены в дополнительной части Бальзеровского списка Софийской первой летописи младшей редакции, в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского, отразились в Своде 1518 г., а также ряде других летописей.⁷⁵

Третий памятник – «Новгородская повесть о походе Ивана III на Новгород». Она сохранилась в составе младшей редакции последнего новгородского свода времени самостоятельности Новгорода – Новгородской IV летописи по Строевскому и Синодальному спискам (в обоих списках текст доведен до 1476 г.).

⁷¹ ПЛ. Вып. 2. С. 9–69 (Псковская 2-я летопись); С. 70 и далее (Псковская III летопись).

⁷² Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Изв. 1946. № 18. С. 255–294.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 3271. Л. 240 об.–252; БАН. 34.2.31. Л. 444 об.–457 об. См. также Комментарий Я. С. Лурье: БЛДР. СПб., 2000. Т. 7. С. 522.

⁷⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 230–242 (Вологодско-Пермская летопись); М.; Л., 1962. Т. 27. С. 129–136 (Никаноровская летопись); Т. 25. С. 284–291 (Московский летописный свод последней четверти XV в.).

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 177–208; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 283–287, 292–296; Т. 43. С. 188–198; Характеристику памятника см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 253–255, Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 128. См. также резюме доклада М. А. Шибасева, зачитанного на «Вторых Лихачевских чтениях» (СПб., 2003) и, насколько нам известно, до сих пор не опубликованного: Шибасев М. А. К вопросу о происхождении произведения XV в. «Словеса избрана от святых писаний...» (<http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?PageContentID=117&tabid=2108>).

Когда же Иван III приступил к непосредственной подготовке новгородской кампании, и какова была позиция церкви?

Из текста «Словес избранных» известно, что новгородцами был предпринят ряд провокационных антимосковских действий, за которыми стояло желание «отступить от своего государя великаго князя, а даться коралю латыньскому государю». Иван III неоднократно посылал к ним послов, «чтобы некотораго лиха не учинили, а исправили бы ся», и долго терпеливо ждал вразумления новгородцев. В конце концов, в Москву приехал новгородский посол Василий Ананьич, но достаточных полномочий для урегулирования взаимоотношений с великим князем он не имел. Такое поведение новгородцев вызвало гнев Ивана III, и именно тогда он пригрозил через Ананьича, что в случае дальнейшего упорства Новгорода объявит войну. Одновременно, или через какое-то время, великий князь отправил посольство в Псков, предупреждая, чтобы псковичи были готовы к войне против Новгорода, если новгородское вече не смиритя. Никаких дат «Словеса» не содержат. Однако сразу вслед за изложением этих событий помещено известие о смерти архиепископа Ионы, что, как кажется, дает основания рассматривать их произошедшими еще до кончины владыки.⁷⁶ Так ли это?

О посольстве Василия Ананьича из других источников ничего не известно (за исключением грамоты митрополита Филиппа в Новгород от 22 марта 1471 г., ставшей одним из основных источников «Словес», где датировки также нет).⁷⁷ Архиепископ Иона умер в первой декаде ноября (источники называют разные даты кончины владыки в первых числах месяца, позднейшая из которых – 8 ноября). О московском посольстве во Псков с призывом выступить против Новгорода известно из Псковской III летописи. Согласно летописной записи, помещенной под 6979 (1470/1471) г., события развивались следующим образом: «Тоя же зимы, в **рождественное говение** (выделено мной – А. Т.), приеха послом от великого князя с Москвы Ивана Васильевича всеа Роуси боярин его Селиван поднимати псковичь на Великой Новъгород: аже ми не добить челом Великой Новъгород о моих старинах, тогда бы есте моа вотчина Псков послужил мне великому князю на Великии Новъгород за моа старинь».⁷⁸

«Рождественное говение» (Рождественский пост) приходится на период между 14 ноября и 24 декабря 1470 г., т. е. позже самой поздней из возможных дат кончины архиепископа Ионы. Таким образом, получается хронологическая нестыковка. Либо ошибочно указание летописи о посольстве в Псков во время поста, либо «Словеса» (и грамота митрополита Филиппа) путают порядок событий. Какой же из памятников в данном случае верно отражает историческую действительность? По всей видимости, следует признать достоверность сведений, содержащихся в летописи.⁷⁹

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 182–183; Т. 43. С. 190–191. Ср.: *Бернадский В. И.* Новгород и Новгородская земля... С. 270; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами... С. 135.

⁷⁷ РИБ. Т. 6. № 102.

⁷⁸ ПЛ. Вып. 2. С. 173.

⁷⁹ Ю. Г. Алексеев, отмечая официозность происхождения «Словес», их «чрезвычайно выпрennyй, велеречивый стиль в духе церковного красноречия», между тем, считает

Во-первых, Псковская III летопись на всем своем протяжении последовательно и, как правило, точно датирует события, в «Словесах» же датировки отсутствуют вовсе. Во-вторых, «Словеса» – публицистический памятник официального характера, крайне тенденциозный и имеющий явную пропагандистскую направленность. Для него важна не столько хронология событий, сколько взаимосвязь между ними. Логика развития сюжета в «Словесах» предполагала показать, насколько серьезны требования Ивана III, заявленные Новгороду. Указание на посольство в Псков, помещенное вслед за угрозами Новгороду, только подчеркивало всю решимость великого князя Московского. Известно, что вольное обращение с исторической последовательностью, характерное для памятников публицистической литературы, было отличительной чертой идеологической борьбы второй половины XV в.⁸⁰ В-третьих, на достоверность Псковской III летописи явно указывает текст митрополитской грамоты от 22 марта 1471 г. В ней ни слова не говорится об отправке посольства в Псков; сразу за сообщением о гневе Ивана III, вызванном посольством Василия Ананьича, сообщается о смерти митрополита Ионы.

Есть и другие соображения, дающие основание признать достоверным свидетельство Псковской III летописи, а равно позволяющие ответить на вопрос о времени начала московско-новгородского конфликта.

Кроме смерти архиепископа Ионы, в первой половине – середине ноября 1470 г. в Новгороде произошло еще два знаменательных события, имевших, как представляется, принципиальное значение для московско-новгородских отношений. Это избрание местоблюстителя владычной кафедры, произошедшее 18-го числа, а также приезд из Литвы в Новгород Михаила Александровича (Олельковича) – 8-го или 11-го числа.⁸¹

По новгородской традиции, преемник архиепископа избирался жребием из трех претендентов. 18 ноября нареченным архиепископом стал Феофил, ризничий владыки Ионы (согласно Типографской летописи, Феофил был новопостриженным монахом, а до пострижения – дьяконом из «белого» духовенства). Однако и двое других претендентов принадлежали к ближайшему окружению покойного архиепископа: Варсонофий был его духовником, а Пимен – ключником.⁸²

памятник довольно точным источником, правдоподобно передающим хронологию событий, и выстраивает последовательность развития московско-новгородских отношений конца 1470 – начала 1471 г. именно на его базе (*Алексеев Ю. Г.* Москва и Новгород накануне Шелонского похода. С. 82 и далее).

⁸⁰ См.: *Дьяконов М.* Власть московских государей. С. 59.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 284; Т. 39. С. 148; Т. 43. С. 188; ПЛ. Вып. 2. С. 171. В историографии наиболее вероятной датой смерти Ионы считается 8 ноября.

⁸² ПСРЛ. Т. 24. С. 188. Обоснование даты избрания Феофила см.: *Борисов Н. С.* Иван III. С. 227; Новгородская традиция выбора владыки жребием, вероятно, являлась трансформацией византийской модели избрания нового архиерея, в соответствии с которой епископ должен был выбираться архиепископом (митрополитом) из трех кандидатов, предложенных архиерейским собором. В свою очередь, на соборе должно было присутствовать не менее трех архиереев (*Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний... С. 230, 236). В «Словесах» явно ошибочно сказано, что 15 декабря 6979 (1470) Филипп поставил его в архиереи (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. С. 498).

Несмотря на то, что все три священноинока были близки предыдущему архиерею, они придерживались разных политических взглядов. По крайней мере, это достоверно известно о Феофиле и Пимене. Феофил являлся сторонником ориентации на великого князя Московского и митрополита Филиппа. От имени новоизбранного священноинока в Москву было отправлено посольство «просити, чтобы нареченному чернцу Феофилу [великий князь – А. Т.] пожаловал, повелел быти к собе на Москву и поставити бы его велел своему отцю митрополиту Филиппу на архиепископию Великого Новагорода и Пскова».⁸³

В это же время ключник Пимен заявил, что готов принять рукоположение в архиепископы от Григория Болгарина. В городе начались волнения, красочно описанные в официальном великокняжеском и митрополичьем летописании как измена «за короля, к Литве» политического меньшинства новгородцев, сторонников «латинской» литовской ориентации. (Следует отметить, что великокняжеское летописание ни разу не упоминает Пимена. Начало волнений связывается с детьми посадника Исаака Борецкого, их матерью Марфой, а также «прочими инеми изменники». О том, что вдохновителем движения за признание власти литовского митрополита стал Пимен, известно из «Словес избранных» и Псковской III летописи). Москва, хотя теперь у нее не было никаких действительных оснований, продолжала настаивать на том, что Григорий, претендующий на титул митрополита всея Руси, не только «ученик то Исидоров», но и «сушей латин».⁸⁴ Завершение выступления Пимена, согласно Псковской III летописи, произошло следующим образом: «Великий Новгород ключника владычня Пимина великим сильным избежестовав бесчестием, на крепости издержав, самого измучив, и кажду вшоу в него розграбили, и кончее самого на 1000 рублев телом его продали».⁸⁵

Неудачная попытка Пимена склонить Новгород к признанию Григория расценивалась в историографии как противоборство «московской» и «литовской» партий Новгорода, в котором первая одержала победу.⁸⁶ Однако это положение требует уточнения. Исследователи не анализировали то обстоятельство, что победа московской партии и Феофила не привела к какому-либо существенному улучшению новгородско-московских отношений, хотя это было естественным ходом дальнейших событий. Таким образом, возникает сомнение в том, имела ли место на самом деле значительная победа промосковской партии.

Во-первых, следует учесть то, что Пимен являлся заместителем архиепископа Ионы и, по всей вероятности, наиболее близким человеком из всего церковного окружения владыки. Именно Пимена новгородский владыка оставлял наместником в городе во время отъездов. Так было,

⁸³ ПСРЛ. Т. 25. С. 284.

⁸⁴ Там же. С. 284–285; Т. 26. С. 233, 235; ОР РГБ. Ф. 178. № 3271. Л. 242 об.

⁸⁵ ПЛ. Вып. 2. С. 172–173.

⁸⁶ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 1-я пол. С. 537; Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим». С. 49; Борисов Н. С. Иван III. С. 228.

в частности, зимой 1469 г., когда Иона ездил в Псков: «Той же зимы путешествова господин наш архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона в свой град в Псковь, <...> а в дому ся оста Пумин ключник на вся дела». ⁸⁷ Косвенно это подтверждается и следующим примером. В 1463 г., сразу после событий на псковско-ливонском рубеже, приведших к серьезному московско-новгородскому конфликту, по инициативе Пимена была расписана церковь в честь святителя Николая Мирликийского Островского монастыря под Новгородом: «Того же лета подписываша церковь святого Николы на Островке повелением и тщанием и верою еже к святому Николе рабом Божиим Пумином, ключника архиепископа Ионы...». ⁸⁸ Известно, что Николай Угодник, архиепископ Мирликийский, считался на Руси покровителем воинского дела. ⁸⁹ Заказ на роспись Никольского храма, исходивший от одного из приближенных к архиепископу лиц, мог быть откликом на произошедшие события и представлять собой выражение чаяний всей владычной кафедры на заступничество святителя Николая в связи с возможным военным обострением. Немаловажно, что запись об этом событии содержится в заключительной части «Летописи Авраамки», автор которой был официальным летописцем архиерейской кафедры Новгорода. Очевидно, в указанной записи следует видеть нечто большее, нежели упоминание о частной инициативе.

(Конечно, данное предположение в большой степени гипотетично, роспись церкви в честь святителя Николая могла быть вызвана совершенно иными причинами. Однако следует учитывать общую ситуацию эпохи и ее конкретное преломление в данный период в истории Северо-Западной Руси в целом и новгородской епархии в частности. Так, необходимо отметить, что за два года до росписи Никольского храма Островского монастыря, в Мелётове под Псковом, входившем в состав архиепископии Новгородской, был заложен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, а причиной его закладки стало завершение войны с ливонцами и заключение мирного договора. Неслучайно и то, что в качестве места для строительства было выбрано поселение, находившееся на большой проезжей дороге из Пскова в Новгород и Москву, по которой не раз проезжали послы. ⁹⁰ Представляется, что в напряженной внешнеполитической обстановке начала 1460-х гг. в Новгороде, как и в Пскове, именно реакция на сложную дипломатическую ситуацию могла стать причиной заказа росписей в качестве выражения надежд на заступничество высших сил. Несколько позднее, в 1468 г., по заказу Пимена для Островского монастыря было написано Евангелие, миниатю-

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 223–224.

⁸⁸ Там же. Стб. 213–214.

⁸⁹ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 25–30.

⁹⁰ Строганова Ю. 1) К истории возведения храма Успения Богородицы в Мелётове // Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука»: Сб. ст. М., 2005. С. 33–37; 2) Фрески церкви Успения Богородицы в Мелётове: Источниковедческий анализ: Автореф. дис. ... канд. ист. нук. М., 2005. С. 16–17.

ры к которому исполнялись архиерейскими новгородскими живописцами).⁹¹

Во-вторых, печальные последствия деятельности Пимена, выступившего за каноническое общение с литовским митрополитом и не поддержанного новгородцами, известны только из источников политической противников Новгорода. Однако, как было показано в предыдущей части, политическая конъюнктура в Новгороде во многом определялась господствовавшими традиционалистскими представлениями о чистоте православия. После возвращения Григория Болгарина в лоно православной церкви и утверждения патриархом Константинопольским в качестве законного митрополита «всей Руси» большинство новгородского веча склонилось в сторону признания Григория, а следовательно, и более тесных контактов со светскими политическими силами Литвы. Скорее всего, такие же умонастроения разделялись и в новгородской церковной среде, и в первую очередь, Домом Святой Софии – архиепископ Иона четко улавливал вектор церковной и политической активности. Это стало одним из главных факторов победы литовской партии на рубеже 60–70-х гг. XV в.

Новгородское летописание ничего не сообщает о трагическом завершении выступления Пимена. Более того, в новгородских источниках вовсе нет упоминаний о попытках ключника архиепископа Ионы получить рукоположение у Григория Болгарина (за исключением позднейших списков Новгородской IV летописи и еще более поздней летописи П. П. Дубровского (составлена не ранее самого конца 30-х гг. XVI в.), включающих в себя «Словеса избранна», памятник митрополичьего летописания), что также дает повод рассматривать новгородские события совершенно в ином плане. Очевидно, новгородские летописцы не сочли деятельность Пимена серьезным поводом для занесения в анналы. Для них это было рядовое событие в череде многих событий, касавшихся дальнейшего политического и церковного развития Новгорода.

Скорее всего, выступление Пимена не сопровождалось сколько-нибудь резким размежеванием сторон и не вызвало ожесточенной внутренней борьбы.⁹² (Хотя, конечно, определенный конфликт между сторонниками нареченного по всем правилам Феофила и Пимена имел место. Именно он послужил основой для создания московскими идеологами изрядно преувеличенной истории «измены в латинство».) Очевидно, в митрополичьем, а затем и позднем псковском летописании новгородским событиям был придан соответствующий идеологический окрас. Вынужденные защищать лояльного московской церковной и светской политике в Новгороде местоблюстителя Феофила, митрополичьи авторы постарались максимально поддержать его, представив

⁹¹ Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 1994. С. 290–304.

⁹² Ср. с мнением Т. Манусаджянаса, полагающего, что разногласия имели место, нося при этом довольно острый характер, однако новгородское вече сумело удержать единую позицию (*Манусаджянас Т.* Новгород на политическом перекрестке в 1470–1471 гг. С. 220).

единственно законным претендентом на кафедру и, главное, отражавшим мнение подавляющего большинства новгородцев.

Наоборот, сама обстановка внутри Новгорода складывалась в пользу Литвы, вече склонялось к ориентации на великого князя Литовского Казимира и митрополита «всёя Руси» Григория. Деятельность Пимена только подтверждала создавшееся положение. Но последствия этого постепенного поворота, естественно и относительно безболезненно протекавшего для Новгорода, были очень хорошо осознаны в Москве. Появилась необходимость принимать срочные меры, чтобы не упустить инициативу и не дать сложиться полноценным союзническим отношениям между Новгородом и Литвой.

Второе важнейшее событие политической жизни Новгорода ноября 1470 г. – прибытие в город Михаила Александровича – также говорит о быстро меняющейся обстановке. И раньше приглашенные вече литовские аристократы приезжали на берега Волхова. Но в этот раз положение усугублялось ширившимся в Новгороде движением в сторону Литвы, что грозило подписанием новгородско-литовского соглашения. Приезд Михаила Александровича должен был восприниматься в Москве в качестве угрозы представлением Ивана III о Новгороде как о своей «отчине» и «дедине» – новгородцы «держаша его у собе время довольно, чиняще тем грубость государю великому князю».⁹³

В историографии уже неоднократно отмечалось, что переговоры о наместничестве Михаила Александровича в Новгороде начались еще до смерти Ионы и были благословлены им. Приглашение князя не могло состояться без одобрения главы новгородской власти – архиепископа. Тем более Михаил Александрович не мог собраться и приехать в Новгород в считанные дни после смерти Ионы, что также исключает возможность его приглашения уже после кончины архиепископа.⁹⁴

Таким образом, можно заключить, что события ноября 1470 г. имели исключительную важность для московско-новгородских отношений. Эти события со всей определенностью показали Москве, что Новгород из состояния шаткого равновесия между великими княжествами Московским и Литовским стал переходить под влияние Литвы, и явились поводом для активизации антиновгородской деятельности. Именно посольство боярина Селивана во Псков, став реакцией на события ноября 1470 г., ознаменовало начало непосредственной подготовки мероприятий по покорению Новгорода.

⁹³ ПСРЛ. Т. 4. С. 502. Ср.: Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. С. 322.

⁹⁴ Янин В. Л. Новгородские акты: Хронологический комментарий. С. 188; Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 131, 139. См. также: Никитский А. Присоединение Великого Новгорода к Московскому государству. Б. м., 1860. С. 18; *Manusadžianas T. Naugardo politines kružkeles (1470–1471) bažnytinis aspektas...* P. 214; Приглашение Михаила Ольельковича, случившееся после смерти митрополита Ионы, описано в Московской повести о походе на Новгород: уже после избрания нового местоблюстителя кафедры Феофила было отправлено посольство Панфила Селифонтова и Кирилла «Иванова сына Макарына», которых Казимир «почестил» и прислал в Новгород Ольельковича (ОР РГБ. Ф. 178. № 3271. Л. 243).

О принципиальной значимости рождественского посольства говорят следующие обстоятельства. Во-первых, впервые за время правления Ивана III в Псков было отправлено столь серьезное, открыто антиновгородское требование, хотя московско-новгородские отношения уже готовы вылиться в войну (особенно напряженным стал 1463 г.). Во-вторых, это вообще первое датированное свидетельство о намерении Ивана III покончить с новгородскими вольностями военным путем. На протяжении 60-х гг. XV в. великий князь Московский постоянно стремился упрочить свое влияние на Новгород, но ни разу, насколько известно, не призывал уничтожить новгородскую самостоятельность. Давно существовавшие планы и расчеты по покорению Новгорода – в этом нет оснований сомневаться – наконец «вышли в народ» из кулуаров великокняжеской администрации. Когда же именно в Рождественский пост боярин Селиван отправился с ответственной миссией?

Очевидно, отправка московских послов состоялась не раньше 18 ноября, дня избрания Феофила в качестве преемника архиепископа Ионы. До этого числа еще не было окончательно известно, какое направление получит дальнейшее развитие событий. Можно предположить, что поездка боярина Селивана относится к периоду и не ранее самого конца ноября. Должно было пройти какое-то время, пока в Москве получили известия о разногласиях в Новгороде, попытке Пимена оспорить результаты выборов местоблюстителя кафедры и, как следствие, угрозе окончательной потери влияния «московской» партии и лично Феофила. Вероятно, Селиван выехал из Москвы уже в декабре 1470 г. и прибыл в Псков ближе к окончанию поста.⁹⁵

Можно сделать и следующее заключение, подтверждающее выводы Ю. Г. Алексеева, – события конца 1470 г., развернувшиеся до смерти архиепископа Ионы, были только «предысторией» конфликта.⁹⁶ Мнимые или действительные антимосковские провокации новгородцев, неоднократные посольства Ивана III в Новгород с призывами одуматься, описанные в «Словесах избранных», не имели существенных отличий от московско-новгородских трений 60-х гг. XV в. Лишь к декабрю 1470 г. в Москве окончательно созрели представления о необходимости скорейшего силового воздействия на Новгород. Теперь у великого князя Московского были существенные основания «поднимати псковичь на Великой Новъгород» и готовить военную кампанию.

Не только великокняжеская администрация готовилась к походу на Новгород. В церковной среде также происходило заметное движение. Митрополит Филипп должен был соблюсти юридические церковные

⁹⁵ По мнению Ю. Г. Алексеева, непосредственные шаги в реализации подготовки военного похода на Новгород Иван III предпринял еще при жизни архиепископа Ионы, и посольство в Псков прибыло в самом начале Рождественского поста (Алексеев Ю. Г. 1) Москва и Новгород накануне Шелонского похода. С. 84, 88; 2) Под знаменами... С. 132–135).

⁹⁶ Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода. С. 93–95. Ср. с точкой зрения В. Л. Янина, что только неуспех великокняжеской и митрополичьей дипломатии весной 1471 г. приводит к решительным действиям против Новгорода (Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. С. 188).

формальности для того, чтобы благословлявшийся им поход на Новгород выглядел как борьба за единство митрополии «всех Руси». Стоит думать, что одним из таких шагов стало рукоположение нового епископа Сарского, Прохора, 17 марта 1471 г.⁹⁷ К тому времени епископская кафедра пустовала без малого пять лет. Предыдущий Сарский владыка Вассиан умер 8 апреля 1466 г. Очевидно, серьезные причины привели к тому, что после стольких лет «междухиерейства» глава Русской церкви именно в этот период задумал решить вопрос вакантного места. Учитывая общую церковно-политическую обстановку начала 1471 г., представляется, что как раз проблема московско-новгородских отношений обусловила хиротонию нового архиерея Сарского.

С переездом сарайских владык из распавшейся Золотой Орды в Москву, на Крутицы, в середине XV в. эта кафедра заняла особое положение в русской церковной иерархии. С одной стороны, владыки оказались в положении «полководцев без войска»: инфраструктура кафедры была нарушена, владения на ордынских территориях, по-видимому, потеряны; в иерархическом отношении кафедра продолжала занимать предпоследнее место в числе епархий. С другой стороны, владыки Сарские (или, как их теперь часто титуловали, Крутицкие) оказались ближе, чем кто-либо из иных архиереев, к митрополичьему двору. Новое местоположение кафедры, на окраине Москвы, предполагало более тесные контакты между епископами и митрополитами. Соответственно увеличивался их реальный вес в церковной политике. Постепенно Сарские епископы сделались викариями предстоятелей Русской православной церкви. По всей вероятности, такие функции они несли уже в XV столетии.⁹⁸

Таким образом, в рукоположении нового Сарского владыки Прохора следует видеть церковно-политический шаг, выгодный и митрополиту, и великому князю Ивану III. Скорее всего, хиротония проводилась специально и непосредственно под особое мероприятие, предварявшее Первый новгородский поход. Известно, что незадолго перед походом Иван III собрал представителей великого княжества Московского на совещание (получившее оценку, по выражению Ю. Г. Алексеева, «церковно-служилого собора 1471 г.»), нового явления в политической практике великих князей московских, отвечавшего стремлению заручиться возможно более широкой морально-политической поддержкой со стороны населения):⁹⁹ «...Разосла по всю братью свою и по все епископы земли

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 169; Т. 20. Ч. 1. С. 282; В Ермолинской летописи рукоположение Прохора относится к осени 1470 г. (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 159). Однако и там оно упомянуто уже после смерти архиепископа Ионы.

⁹⁸ Орлова М. Л. Сарайская (Сарская) и Подоницкая епархия в XIV–XVIII вв. // Маркваревские чтения. Можайск, 2005. Вып. 12. Иерархия в Древней Руси. С. 58–63.

⁹⁹ Алексеев Ю. Г. 1) Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 277; 2) Походы русских войск при Иване III (1462–1471 гг.). С. 159. Некоторого церковного аспекта касается и А. К. Баиов. Он отмечает, во-первых, что религиозный фактор, выразившийся в отстаивании Москвой интересов «православной всеры во всей ее чистоте», был одним из важнейших при подготовке Новгородского похода. Во-вторых, указывает, что на совете, решавшем вопрос о Новгороде, присутствовали и епископы (Баиов А. К. Шелонская операция царя Иоанна Васильевича и Шелон-

своя (выделено мной – А. Т.), и по князи и по бояре свои, и по воеводы и по вся воя своя». ¹⁰⁰ Очевидно, состав участников характеризуется той ролью, которая предписывалась им Иваном III.

Церковно-служилый собор уникален не только тем, что архиереи впервые привлекались для обсуждения вопроса, непосредственно связанного с военной составляющей политики московских государей. И не тем лишь, что Иван III желал заручиться максимально широкой поддержкой авторитетных кругов великого княжества Московского. Хотя оба этих обстоятельства были важны: «...И князь велики прием благословение от митрополита Филиппа, также и от всех святитель земли своя и от всего священнаго събора и начать вооружатися ити на них (новгородцев – А. Т.), также и братья его, и вси князи его, и бояре, и воеводы, и вся воя его...». ¹⁰¹

Важнейшее значение церковно-служилого собора в том, что его проведение подтверждает наличие серьезного церковного фактора в московско-новгородских отношениях последних лет независимости Новгорода. Как было показано, этот фактор существенным образом влиял на политику, зачастую становясь определяющим. Естественно, привлечение «князей церкви» – архиереев – к решению наиболее важных вопросов становилось насущно необходимым. Церковный аспект московско-новгородских отношений был существенно шире, нежели только проблема хиротонии архиепископов Новгородских у митрополита в Москве. ¹⁰² За ним скрывалась куда более глубокая проблема дальнейшего существования митрополии в Москве. Победа над Новгородом устраняла главнейшего противника, от которого исходил соблазн для других местных церковных организаций отколоться от раскольничьей Москвы и признать канонический авторитет митрополита, за которым стоял патриарх. Именно на эту церковную победу «истинного православия» давали благословение русские иерархи, а не просто на наказание архиепископа, склонявшегося к признанию митрополита Литовского. Очевидно, имела место и попытка сакрализации будущего похода. ¹⁰³

Такой важный шаг должен был быть обыгран соответствующим образом. Главнейшая роль, конечно же, отводилась архипастырям – епископам. Чем больше их могло участвовать в церковно-служилом соборе, тем более представительным и легитимным выглядело конечное решение. Очевидно, скорейшая хиротония Прохора в марте 1471 г. совершалась именно под проведение собора. О том, что Прохор оправдал связанные с ним надежды не только в 1471 г., но и впоследствии, на про-

ская битва в 1471 году 14 июля. Пг., 1915. С. 2). Впрочем, автор еще далек от оценки этих событий как священо-восных и приведенными выше замечаниями ограничивается.

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 227. См. также: Т. 25. С. 286–281.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 228.

¹⁰² Я. С. Лурье полагает, что единственным поводом для Первого новгородского похода стали споры о том, к какому митрополиту должен обратиться за поставлением нареченный архиепископ Новгородский (Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 139).

¹⁰³ Байковский К. Ю. Покорение Новгорода как «царское дело» Ивана III // Духовность. Сергиев Посад, 2004. Кн. 6 (январь–май). С. 113–120; Ср.: Розов И. И. Из истории русской общественной мысли XV–XVI веков... С. 9.

тяжении всего периода архиерейского служения являясь сторонником великокняжеской политики, свидетельствует его беспрецедентное награждение после ухода на покой. Иван III в 1493 г. бывшего епископа Прохора «пожаловал, дал ему Звенигород со всеми пошлинами».¹⁰⁴ Это чуть ли не единственный известный подобный случай в эпоху правления Ивана III.

О единстве позиций митрополита Филиппа и великокняжеской власти по новгородскому вопросу и его идеологическому содержанию также свидетельствует следующее обстоятельство. Памятник митрополичьего летописания «Словеса избранна», московская великокняжеская «Повесть о походе на Новгород», а также послание митрополита в Новгород от 22 марта 1471 г. единодушно относительно оценки патриархий Константинопольской и проблемы «латинского» уклонения Новгорода. С одной стороны, в этих памятниках отсутствуют какие-либо упоминания об «изрушевшемся» православию Константинополя. Обвинительный пафос, направленный против греческого православия, характерный для новгородского послания Ивана III 1460-х гг., здесь никак не выражен. С другой стороны, с настойчивостью проводится мысль, что преступления Новгорода против церкви кроются исключительно в «латинской» измене.

Такая позиция представляется довольно странной. После воссоединения литовской униатской митрополии «всей Руси» с патриархией Константинопольской в конце 1460-х гг. следовало ожидать роста антиконстантинопольских взглядов в московской идеологии. Именно с этим событием был связан пик конфликтных отношений между Константинопольской патриархией и Русской церковью, пришедшийся на рубеж 60-х–70-х гг. XV в.¹⁰⁵ Послание Ивана III в Новгород в 1467 г. – тому свидетельство. Более того, определение и церковной, и политической линии Новгорода в сторону Литвы напрямую зависело от урегулирования отношений между Григорием Болгаринюм и патриархией. С конца 60-х гг. XV в. о «латинском» уклонении новгородской церковной организации не могло быть и речи. Использовать главный идеологический посыл конца 1450-х – первой половины 1460-х гг., как представляется, было довольно странно. Но, между тем, московская идеология как в лице митрополита, так и в лице князя продолжает настаивать на этом, хотя более оправданным представлялся перенос центра идеологической тяжести на дискредитацию патриархии и обоснование невозможности канонического общения с Константинополем. Однако начавшееся было движение в этом направлении затихает.

По всей видимости, объяснение следует искать в боязни Москвы усугублять и без того до предела напряженные отношения с патриархатом (период конца 1460-х – начала 1470-х гг. был самым сложным в отношениях с патриархией за все время фактического раскола между церквами после установления автокефалии Русской церкви в 1448 г. и вплоть до учреждения патриаршества в 1589 г.). Ведь признание Гри-

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 359; Т. 6. Вып. 2. Стб. 336.

¹⁰⁵ *Белякова Е. В.* К истории учреждения автокефалии Русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 155.

гория Болгарина в конце 60-х гг. XV в. и обращение патриарха Дионисия на Русь с призывом ко всем чадам православной церкви выйти из канонического общения с самочинным митрополитом «всех Руси» Филиппом серьезно подрывало митрополичий авторитет. Поддерживая Ивана III в церковных притязаниях на Новгород и Новгородскую епархию (в понимании Ивана III, он – православный великий князь, государь церковной столицы – полностью обладал духовной властью над своей «отчиной» и «дединой» Новгородом и, помимо наказания новгородцев, стремился привести к единству границы своего государства с приделами митрополии),¹⁰⁶ митрополит открыто выступил бы против власти патриарха.

То же самое касалось и Ивана III. Как государь, поддерживающий и развивающий церковный раскол, он также, с точки зрения патриархии, оказывался в положении раскольника. Большинство же жителей Новгорода признавало духовный авторитет константинопольского первосвященителя.

Для великого князя Московского и митрополита Филиппа пойти против православного Новгорода с православным церковным знаменем в руках означало подписаться под словами патриарха и еще больше навредить себе, оказавшись в воинствующей оппозиции православному Константинополю. К тому же в целом, за исключением отдельных эпизодов, патриархи смотрели на фактическую автокефалию Русской церкви сквозь пальцы. И чем больше времени проходило с тех пор, как предстоятелем церкви был избран Иона (1448 г.), тем более они становились благосклонны. По справедливому мнению А. В. Карташева, русская автокефалия укреплялась при молчаливом согласии Константинополя, который не хотел «терять своего лица» благословением независимости,¹⁰⁷ прекрасно понимая, что спокойные отношения с крепким и самостоятельным православным Московским государством выгоднее ссоры. (В июле 1516 г. патриарх Феодит I выступил даже со своего рода санкцией относительно московского государя. В послании к митрополиту Варлааму он удостаивал Василия III царским титулом – «наивысшего и кротчайшего царя и великого краля всея православных земли, Великия Руси»).¹⁰⁸

Очевидно, попытки московской идеологии выступить против патриархов (новгородское послание Ивана III 1460-х гг.) быстро сошли на нет. Москва осознала, что в конце 60-х гг. XV в. обстановка изменилась. Антиконстантинопольские мотивы, близкие и понятные православному населению Руси в 40-е – первой половине 60-х гг., когда патриархию можно было обвинять в униатстве, теперь не действовали. Обвинения в

¹⁰⁶ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 296, 299; Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 225; Байковский К. Ю. Покорение Новгорода как царское дело... С. 114.

¹⁰⁷ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1993. Т. 1. С. 378.

¹⁰⁸ Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. Дополнения. № 3; Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 25. Ср.: Хорошкевич А. Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 167.

адрес Константинополя могли только навредить всему московскому делу. Именно поэтому в «Московской повести о походе на Новгород» и основном тексте «Словес избранных» нет ни слова о патриархии Константинопольской. И только в послании Филиппа от 22 марта 1471 г., включенном в «Словеса избранныя», есть единственный глухой намек на состояние патриархии, каким его представляла московская идеология: «А и царствующи преже благочестием великий град Костянтинополь не тоа же ли ради латынския прелести погибе, от благочестия истребися и до ныне погаными турки обдержим бысть?». ¹⁰⁹ Главная идея этого короткого отрывка заключается в том, чтобы показать новгородцам пагубность контактов с католицизмом, по причине которых погиб даже сам «великий град», а отнюдь не нынешнее состояние веры матери-церкви. Филипп тонко обходит молчанием разрыв Константинополя с унией и выводит его политическую зависимость от турков именно как следствие «латынския прелести». Прямой оценки состояния веры в Греции нет.

В то же время в 1471 г. была необходимость, во-первых, выдвинуть обоснование церковного подчинения Новгорода Москве, во-вторых, создать общецерковную идеологическую концепцию приоритета митрополии «всая Руси» с центром в Москве. Поскольку в политическом отношении конфликт, с точки зрения Москвы, представлял восстановление традиционных прав сюзеренитета великого князя над Новгородом, качнувшегося в сторону вассальной зависимости от Литвы, церковную составляющую конфликта также следовало выводить из литовской проблематики. Не меньшую роль сыграл и фактор традиционного отношения к католицизму на Руси. Католики, в связи с агрессивной политикой римской курии на Востоке Европы, стали восприниматься населением крайне негативно со второй половины XIII в. ¹¹⁰ и особенно после Флорентийской унии (в большой степени такое отношение к католицизму сохраняется до сих пор). Одно из самых ярких замечаний о неприятии жителями Руси католицизма было высказано в середине XVI века Михаилом Литвином: «Москвитяне, разгневавшись на кого-либо из своих, проклинают его пожеланием, чтобы он обратился в римскую или польскую веру – до того эта вера им ненавистна». ¹¹¹

Таким образом, Москве не оставалось ничего иного, как вернуться в отношениях с Новгородом к идеологической схеме 50-х – первой половины 60-х гг., в которой главным принципом разделения «свой»/«чужой» являлось отношение к католицизму и связанному с ним униатству. По большому счету, это был беспроигрышный вариант для идеологии – образ традиционного врага можно было применить практически к любой ситуации. К тому же идеологический образ благочестивого московского государя, защитника православия, в первую очередь отстаивающего интересы православной церкви в конфликтах с католиками, был хорошо «обкатан» в течение 1460-х гг. именно на северо-западном

¹⁰⁹ РИБ. Т. 6. № 102; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 190; Т. 43. С. 193.

¹¹⁰ Флоря Б. И. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 218–221.

¹¹¹ Михаил Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян десять отрывков (1550) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1. С. 34.

внешнеполитическом направлении. Новгородцы в 1471 г. должны были стать свидетелями того, к чему готовила их московская идеология в течение предшествующего десятилетия.

(Жесткая позиция Дионисия Константинопольского по отношению к Русской церкви впоследствии не была забыта на Руси. В частности, его имя не значится в поминании «вселенских Константинопольских благочестивых патриархов» синодика последней трети XVII в., судя по характеру записей, вышедшего из скриптория официальной церкви.¹¹² В конце XV – первой половине XVI в. официальная церковь, по-видимому, вообще стремилась уходить от какого-либо поминания среди усопших патриархов Константинопольских. Так, в синодике Успенского собора Московского кремля конца XV – начала XVI в. содержатся памяти только особо чтимых иерархов, а в синодике Успенского собора Московского кремля XVI в. вселенские патриархи дежурно упомянуты самыми общими словами лишь в ектенье, помещенной перед перечнем поминаемых лиц: «Святейших вселенских патриарх, православных царей и цариц, пресвященных митрополит ... и zde лежащих, и повсюду православных»).

Итак, напряженная церковно-политическая обстановка в Новгороде, сложившаяся практически сразу после смерти архиепископа Ионы, приводит к тому, что Москва, не мешкая, начинает прощупывать возможные шаги выступления против Новгорода. Первым из этих шагов, насколько можно судить из имеющихся источников, становится отправка в Псков посольства, «поднимати псковичь на Великий Новгород», с предложением об антиновгородской коалиции.¹¹⁴ К началу 1471 г. созрели вполне реальные основания перехода Новгорода под влияние Литвы, чего на протяжении многих лет опасалась Москва: уже в конце 60-х гг. XV в. возникли серьезнейшие опасения на этот счет. Но великий князь Иван III не решился ударить по новгородской самостоятельности ни после признания митрополита Григория патриархом Константинопольским Дионисием (после осени 1466 г.), ни в 1469 г. – после завершения казанского похода, когда высвободились силы и можно было перенести центр тяжести внешнеполитической активности на новгородское

¹¹² ГИМ. Син. № 290. Л. 9 об. В перечне патриархов упомянут единственный патриарх Дионисий, имя которого расположено между именами Иереми Пироцкого и Иоасафа. По всей видимости, речь идет о Дионисии II, управлявшем патриархией в течение нескольких месяцев 1537 г. и в 1545–1555 гг.

¹¹³ ГИМ. Син. № 667. Л. 4–36 об. (Синодик Успенского собора конца XV – начала XVI века); Усп. № 64. Л. 5 (Синодик Успенского собора XVI века); Возможно, эта запись сделана не позднее 30-х гг. XVI в. (см.: *Истомина Г. И., Сперанский М. И.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370) / Подг. к печати В. Д. Кузьминой // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 111).

¹¹⁴ Ср. с мнением А. С. Хорошева, что не поворот Новгорода в сторону Литвы вызвал московскую реакцию, но перед угрозой московского вторжения новгородское правительство, оказавшееся в политической изоляции, попыталось заручиться поддержкой Литвы (*Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 187). Если в основе поездки лежали иные причины, трудно объяснить, почему именно в это время, впервые за годы правления Ивана III, было снаряжено посольство со столь серьезной миссией – «поднимать» псковичей на войну с Новгородом.

направление. Это представляется весьма значимым. Иван III решил действовать только на рубеже 1470–1471 г. Особенность сложившейся ситуации состояла в том, что накал страстей к декабрю 1470 г. был наиболее сильным за последние годы. При этом у Москвы были развязаны руки, т. к. на других внешнеполитических направлениях наступило относительное затишье.

Между тем, примечательно, что московская идеология не всегда и не везде спешила использовать лозунг борьбы за православие применительно к Новгороду. Так, приезд в Псков боярина Селивана в период «рождественного говенья» 1470 г., согласно Псковской III летописи, выглядит как обычный политический акт. Селиван прибыл «поднимати псковичь» в том случае, если Новгород не уважит великокняжеские «старины», и только. То же самое касается другого московского посольства, отправленного непосредственно накануне похода. Московский посол Яков (Якушка) Шачобалцев требовал от псковичей нарушить мирный договор с Новгородом «за великого князя обиду». Никакого идеологического «латинского» подтекста, апелляций к православному единству ни в первом, ни во втором случае не наблюдается.¹¹⁵ Так же чисто феодальными политическими причинами неподчинения сеньору объясняется начало конфликта и отправка посольства в Псков накануне похода и в Псковской II летописи: «Князь великий Иван Васильевич разверже мир с Великим Новымъ городом и нача искати на новгородцев своих прародителии старин земли и воде и всех пошлин, как пошло от великого князя Ярослава Володимировича, и хотя отмстити Великому Новугороду древняя нечести и многиа грубости бывшиа от них великим княземь».¹¹⁶

(Согласно Московской Повести о походе Ивана III на Новгород, миссия Якова Шачобалцева была куда более идеологически основательной. Великий князь «Пскову послал дьяка своего Якушку Шабальцова, <...> глаголя им: „Отчина моя Новгород Велики отступают от меня за короля, и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григорья Латынина суша, и яз, князь велики, дополна иду на них ратью”...»)¹¹⁷ Чем же объясняется разное описание посольств в московских и псковских источниках?

Как показывает изучение новгородско-московских отношений 60-х гг. XV в., еще задолго до Первого новгородского похода Москва вполне определенно заявляла себя единственным легитимным центром православия в Европе, защитником православных как в Северо-Восточной Руси, так и за ее пределами. Отсюда столь высокие, постепенно усиливавшиеся идеологические призывы. Однако в событиях 1470–1471 гг. карты Москвы, по сути, не были козырными. В других областях Руси, на окраинах Московского государства, тем более в независимых землях, претензии Москвы могли не быть восприняты так, как хотела того сама Москва. Кое-где могли сомневаться в легитимности московского ми-

¹¹⁵ ПЛ. Вып. 2. С. 173, 180.

¹¹⁶ Там же. С. 54.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 286.

трополита и возможности установления автокефалии точно так же, как сомневались в Новгороде. Слишком активные обвинения Новгорода в уклонении в «латыню» вполне могли натолкнуться на встречное неприятие того варианта церковной организации, который предлагался Москвой. К тому же вне Москвы, особенно в тех землях, которые в силу частых контактов с Новгородом были лучше осведомлены о реальной обстановке в Доме Святой Софии, могли не воспринять идеологические действия великокняжеской и митрополичьей администрации.

О том, что обвинения новгородцев в отступлении в «латинство» были игрой московской идеологии, предназначавшейся, в первую очередь, для «внутреннего пользования», свидетельствует и Устюжская летопись. В ней ни единым словом не упоминается о склонности Новгорода к католицизму и унии, речь идет только о политическом факторе. Очевидно, великокняжеская администрация, обратившись к устюжанам с призывом выступить в поход против Новгорода, не подкрепила свои требования ссылкой на церковные проступки новгородцев. Еще одно возможное объяснение: устюжский летописец решил не вносить в анналы сомнительные идеологические призывы Москвы.